

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

XX 496
34

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ)

1938

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

К истории каракалпаков XVIII в.

По истории каракалпакского народа имеются лишь мелкие отрывочные сведения, разбросанные по разнообразным источникам, не посвященным специально исследованию истории каракалпаков.

Недостаточное освещение истории каракалпаков в литературе заставляет особенно бережно и внимательно относиться ко всем, хотя бы мелким упоминаниям о каракалпаках, как в восточных, так и в русских исторических источниках. Особенную ценность приобретают сведения, почерпнутые из архивных документов, относящихся к истории каракалпаков, но, к сожалению, таких документов в наших архивохранилищах чрезвычайно мало. Некоторые упоминания о каракалпаках за XVII в. можно найти в архивных материалах «Сибирского приказа». За XVIII в. сведения о каракалпаках сохранились в фонде «Каракалпакские дела» б. Коллегии иностранных дел, объем которого весьма невелик. Здесь имеются сведения о событиях, относящихся к истории каракалпакского народа с 1720 по 1725 г. и с 1742 по 1743 год. Некоторым дополнением к этим делам, в очень небольшой своей части, могут служить «дела Астраханские», в которых отражена колонизаторская политика русского царизма в отношении каракалпаков. Однако, в этих материалах мы находим лишь изложение соображений по поводу разгрома каракалпаков киргиз-казахским ханом Абул-Хаиром. Соображения эти сводятся к попытке оправдать всякие меры, приводящие к ослаблению военной и экономической мощи каракалпаков¹.

Из архивных материалов мы узнаем, что каракалпакский народ в первой половине XVIII столетия ведет полукочевой образ жизни и делится на две части: — верхних каракалпаков, кочующих около города Туркестана, на берегах реки Чирчик, берущей начало в горах джунгарских кочевий, и нижних каракалпаков, кочующих на восточной стороне Аральского моря по берегам Сыр-Дарьи, «где и хлеб пашут, почему живут более в одном месте, да и кочуют не отдаляясь от оной реки Сыр-Дарьи; ружье имеют они огненное с фитилем, которое сами делают, так же и в Хиве покупают, а селитру и порох делают сами же и киргис-казакам продают. Они же имеют сайдаки, копыя и сабли. Содержание их и богатство состоит более в скотоводстве... Они упражняются также и в ловле зверей и потому находятся у них волки, лисенцы, корсаки, барсы и другие звериные кожи. А лошадей у них весьма мало, чего ради в работы, и в разъезды, и в телеги принуждены они больше употреблять быков. В прочем оной каракалпакской народ из тамошних степных кочевых народов состояния спокойнейшего и к воровству не склонен»².

Генерал-майор Тевкелев, в бытность его в 1732 г. в киргис-казахской орде, доносил в коллегия иностр. дел, что в каракалпакской «орде до 10 000 кибиток быть имеет да и они сами объявляют, якобы и военных людей до 40 000 набраться у них может»³.

¹ ГАФКЭ, Астраханские дела.

² ГАФКЭ, Коллегия иностранных дел, д. № 21.

³ ГАФКЭ, Киргиз-кайсацкие дела, к. № 4.

Каракалпаки — народ земледельческий, много терпели от набегов соседних кочевников — киргиз-казахов, туркменов, калмыков, и искали себе защиты у других народов.

Верхние каракалпаки в начале XVIII столетия отделились под покровительство джунгар, а нижние, следуя примеру Малой киргиз-казахской орды, вступившей в 1730 г. в подданство России, обратились в 1731 г. к русскому правительству с просьбой о принятии их в российское подданство, но с условием — не платить русскому правительству ясака, так как каракалпаки платили ясак киргиз-казахскому хану Абул-Хаиру, и двойная ясачная подать была не по силам каракалпацкому народу. Каракалпацкие ханы приняли присягу верности России и вернули царскому правительству 160 кибиток башкир, бывших у них в плену.

Несмотря на принятие русским правительством каракалпаков в свое подданство, яицкие казаки в том же году разгромили каракалпацкий торговый караван в 300 человек, идущий в Астрахань. В 1740 г. выяснилось, что грамоты, посланные с Тевкелевым и с статским советником Кирилловым, адресованные «киргиз-кайсацким ханом каракалпацкому Кайб-хану, ходжам, батырям и ко всему народу, которыми им дано знать, что они по их прошению в здешнее подданство приемлются» оказались задержавшимися у Кириллова и Тевкелева. В 1740 г. были разосланы другие грамоты, свидетельствующие о русском подданстве каракалпаков с объяснением, что яицкие казаки разбили каракалпацкий караван «не зная, что они в подданство здешнее вступают».

В 1742 г. приехавшие в Орскую крепость каракалпацкие послы, вместе с Абул-Хаиром и с киргиз-казахскими старшинами, именем своего Кайб-хана, старшин и всего народа вторично присягали на верность русскому царизму.

Для приведения к присяге каракалпацких салтанов, старшин и всего народа в том же году был отправлен к ним поручик Гладышев. Вернувшись в 1743 г. в Оренбург, Гладышев в своем доношении дал ряд ценных сведений о каракалпаках. О внутреннем порядке правления у каракалпаков Гладышев сообщал, что: «Напрядь сего было в каракалпацком народе по несколько ханов, но ныне сколько у них оных, о том неизвестно. Кроме того, что киргиз-кайсацкой в Меньшой орде находящегося салтана, который называется Батырь и у которого один сын в Хиве ханом и называется Кайб-хан, другой его же сын называется Буртей, в оном каракалпацком народе ханом находится». Каракалпацкие старшины — посланцы при подаче в Оренбурге ханских писем Неплюеву — объявили, «что их каракалпацкой народ назад тому 260 лет от России отстал» и называли себя «природными подданными». Гладышев в своем доношении указывал, что сами каракалпаки считают, «что они изстари жили между Астрахани и Казани, а потом на Бухарскую сторону к Аральскому морю отошли в раззорение оных царств».

Из публикуемых документов выясняется, что каракалпаки, кроме сельскохозяйственной и ремесленной деятельности и довольно широко развитой торговли произведениями своей промышленности, скупали у соседних кочевых народов военнопленных и перепродавали их. Вершинин в своем отчете о пребывании его в каракалпацкой орде в 1721 г. пишет, что «пленных людей у него Ишима хана тысячи с полторы и те де пленники незавоеванные, куплены у бухарцов и у хивинцов и у киргиз-казаков, и ежели императорское величество соизволит прислать для взятъя тех пленников на выкуп, он де Ишим хан отдавать тех пленников будет». Из листов присяги каракалпацкой аристократии на верность русскому царизму мы узнаем о размерах владений отдельных каракалпацких феодалов, напр.: Кундратского рода Банк Ксарийс имел тысячу дворов, а Кундратского роду старшина Шамурат Бий имел пятьсот дворов, и т. д.

Надежда каракалпаков найти себе опору и защиту в русском правительстве не оправдалась. Уже в 1743 г., т. е. через год после перехода в русское подданство, они были совершенно разгромлены Абул-Хаиром. Хозяйственное благосостояние каракалпаков было почти полностью разрушено. Абул-Хаир явно ждал каракалпакам за отказ платить ему подати и стремление выйти из сфе-

ры его влияния. Абул-Хаир пытался мстить и русскому правительству. Не найдя поддержки у царского правительства в своих притязаниях на главенство над всеми киргиз-казахскими ордами: Большой, Средней и Малой, и получив отказ царского правительства принять аманатом побочного сына его Чингиза, вместо законного Ходжи-Ахмета, Абул-Хаир стал действовать против России, возбуждая против нее всеобщее недовольство среди киргиз-казахов и поощряя их к нападениям на русские пограничные селения и на подданные России народы.

Русский царизм, принимая в свое подданство каракалпаков, не собирался выступать на их защиту с вооруженной силой или вступать в конфликт с их соседями, тем более, что к этому времени взаимоотношения народов Средней Азии чрезвычайно осложнились: ходжакский Абул-Керим-Бек, мобилизовав сотысячное войско, предпринимал поход на Ташкент и другие владения джунгарского кон-тайши; джунгарский Галдан-цэрен к этому времени готовил поход на русские границы, а в Большой киргиз-казахской орде делал «побор пансирами, а сверх того и из знатной той орды молодых людей перенисал в службу и оставил их с таким приказом, дабы были в поход готовы»¹ против Абул-Керим-Бека; Китай готовился воспользоваться случаем ослабить или уничтожить грозное владычество джунгаров в Средней Азии.

Русский царизм в подданстве каракалпаков видел лишь, что «польза быть от них может такая, что живут они близь Аральского озера по реке Сырь, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить... до Бухар и до Водокшана и в Индию и наипаче через те места, ежели какие нечаянные противные случаи не помешают удобно рассыпанные бухарские владения одно по другом в вечное ее императ. велич. подданство приводить»².

При назревающих событиях в Средней Азии политика русского царизма была: «разными политическими средствами, время от времени сей непостоянный и легкомысленный народ (народы Средней степной Азии А. Б.) уменьшать, приводя их... в такое безсилие и изнурение, чтоб они бунтовать не отваживались»³, поэтому действия Абул-Хаира по отношению к каракалпакам не являлись чем-либо противоречащим политике русского царизма.

Каракалпаки, почти совершенно разоренные и вынужденные силою обстоятельств устремиться на Яны-Дарью в районы к юго-востоку от Аральского моря, к границам Хивы, попали в полную зависимость от Хивы, а впоследствии и бухарского хана (1754 г.). Этот период в истории каракалпакского народа — история злейшей эксплуатации и раздробления единства народа. Только в XIX в. после подчинения России Хивы и Бухары каракалпаки перешли в полное подданство России. К этому времени каракалпаки были расселены по разным территориям Средней Азии, но русский царизм и не заботился об их объединении и их народном благополучии потому что: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»⁴.

Переписка астраханского военного губернатора с начальником Кавказской области за 1842—1844 гг.⁵ дает нам пример отношения царского правительства к небольшой группе каракалпаков, которые, спасаясь от гнета бухарских ханов, пришли в Россию, в пределы Астраханской губернии и обратились с просьбой о наделении их землей. Оказалось, что свободной земли для наделения ею прибывших каракалпаков в Астраханской губернии не имелось, — Кундров-

¹ ГАФКЭ, Контора коллегии иностранных дел, д. № 21.

² ГАФКЭ, Киргиз-кайсацкие дела, к. 5, д. № 4.

³ ГАФКЭ, Контора коллегии иностранных дел, д. № 492.

⁴ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 69—70.

⁵ ГАФКЭ, Портфели Миллера, дело «Каракалпаки».

ские татары не согласились принять их в свое общество, а въезд в киргизские кочевья им был запрещен. Предложение поселить их либо в Кавказской области, либо в Оренбургской губернии каракалпаки отвергли «по отдаленности и неизвестности» Оренбургского края и боясь, что в Кавказской области «при бедном их состоянии они могут подвергнуться совершенному разорению». Явилось предположение переселить их на земли Саратовской губернии, но после длительной об этом переписки саратовское начальство нашло невозможным принять каракалпаков. Измученные неопределенностью и голодом каракалпаки выразили согласие поселиться в Кавказской области, однако, начальник Кавказской области просил астраханского военного губернатора до полного разрешения вопроса о месте для кочевья или поселения каракалпаков, воспретить им переход в пределы области. И лишь когда кочующие в Кавказской области ногайцы изъявили согласие принять каракалпаков в свои кочевья, астраханский военный губернатор дал предписание отправить их (в количестве 33-х семейств) в ногайские кочевья.

Только завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, закрепленные в Великой Сталинской Конституции, дали каракалпакскому народу в братском содружестве со всеми народами Советского Союза возможность свободного существования и все возможности для культурного и хозяйственного развития.

А. Бирзе

Донесение испр. об. астраханского губернатора И. Кикина в коллегию иностранных деп, 1720 г.¹

Сего 720 года апреля 4 дня по посланному великого государя указу из Астрахани на Яик присланы в Астрахань три человека каракалпак, которых полонил, будучи на Яике, лейб-гвардии капитан князь Черкасской, а в роспросех оные каракалпаки сказали. Первой сказался: Маметкулом де ево зовут Джеуверев, в прошлом де 717 году послан он был с товарищи триста человек от Ишим хана в погоню за калмыками. И оных калмык не догнали и возвратились назад и увидели де лошадей и оных лошадей отогнали; чаялись, что их каракалпакские отгонные, которых отогнали калмыки, а сколько числом тех лошадей отогнали, сказать не упомнит. И того ж де числа увидели они руское войско и пушки и, покинув тех лошадей, бежали на побег, и нагнав де их оное войско ево Маметкула с товарищи четырех человек взяли в полон, а товарищи де их бежали и, взяв де их, привезли в войско. а из войска отдали за караул на Яик в Гурьев городок и с того же числа сидели в том городке, а с князем де Черкасским бою у них не было. Другой каракалпаченин сказался Амангулом де ево зовут Ямцу Мергенев, в прошлом де 717 году послан де он был с товарищи своими из урочища Тарасуста триста человек от Ишим хана в погоню за калмыками для отгону лошадей, которых у них [отогнали] калмыки, и гнали за ними калмыки до Яику и, не догнав де оных калмык, возвратились и увидели де лошадей и чаяли, что оные лошади — их каракалпакские и от того табуну отогнали пятьдесят лошадей. И, насхав де на них от Яику, драгуны и татары, которые взяты были в поход с князем Черкасским, и ево Амангула с товарищи четырех человек поймали и привезли в войско к князю Черкасскому, а товарищи де их каракалпаки бежали, а князь де Черкасской отдал за караул на Яик. Третьей сказался: Атышем де ево зовут Бурашев и сказал тех речи, что и вышеписанные каракалпаки: Мамбет, да Амангул выше сего, а четвертой каракалпаченин отдан в прошлом 719 году калмыцкому владельцу Дорже Назарову, вместо драгунского шквадрона вахмистра Фридриха, и оные ка-

¹ Каракалпакские дела, К. № 1.

ракалпаки и ныне держатца за караулом и из оных каракалпак оной же калмыцкой владелец Доржа просит себе одного человека на обмен за руского, а бес повелительного указа отдать я не смею, так же и с прочими что чинить, понеже многия годы держатца за караулом. На сие требуетца царского величества решительного указа.

О сем всеподданнейше доносит Ибак Кикин.

Указ военной коллегии, 24 октября 1720 г.

Лета 1720, октября в 24 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца государственному канцлеру и Государственной иностранных дел коллегии президенту ковалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, да государственному подканцлеру тайному советнику и вице-президенту ковалеру барону Петру Павловичу Шафирову с товарищи.

Сего октября в 8 день в Государственную военную коллегию в дознании казанского губернатора Салтыкова написано: в прошедшем де августе месяце, писал к нему из-за Камы полковник Друмонт, которой определен с командою своею для охранения тамошних обывателей от неприятельских татарских набегов, что де воинские каракалпаки того августа 16 дня в полдни на один ево пас деревни Резановки, где содержал порутчик Шишилов, при котором было драгун 54, да донских казаков 156 человек, напав внезапно, побрали на поле ис тутошних жителей в полон мужеска и женеска полу 62 человека, и у того ж де порутчика с теми неприятельскими людьми был бой. А как тот бой начался и с неприятелем начали битца, то донские казаки побежали возвратно, в котором бою оные неприятели, видя оставших драгун малолюдство, наступя сильно, оного порутчика Шишилова убили до смерти, а прапорщика ранили, да убил ж до смерти ундер-афицера одного, драгун трех, ранено драгун восемь. Да как бой начался, в то число убит казак один, ранено десять человек. А как он полковник по известии з другава пасу ко оному порутчику в помощь прибыл, увидя их, неприятели побежали, за которыми, хотя и неблизкой путь он следовал, но настичь не мог, и ушли в степь, понеже у них у каждого человека лошади по две и по три, а у драгун были лошади одни беспеременно и больше итить не могли. И по той де ево полковницей отписке от командиров ис казанских гварнизонных полков послан он к нему в прибавок в помощь ис Казани салдат две роты, в них 200 человек с принадлежащим числом обер и ундер-афицеров, понеже команда ево стоит на разных пасах, разстоянием команда от команды верст по пятидесят и больше. Да сентября де 6 дня оной же полковник Друмонт писал к нему, что ис тех же донских казаков с пасу из деревни Хрещевки 9 человек, отпросясь у есаула своего, для добычи ездили за Волгу реку и разбили разбоем ясадного чюваппина и все ево пожитки взяли, которые во оном и в других воровствах винились и содержатца у него полковника под арестом; и о том де их побеге и воровстве писал он к генералу маэору Кропотову, а он де над ними без указа ничего чинить не смеет, а оные де неприятельские люди и воровские калмыки и поныне в тех местах являющца ж, от которых всякая острожность имеетца, и по требованиям означенного полковника Друмонта все к нему отправляет, а о воровских де калмыках, дабы им следовали и от того их удержали писал он к Дмитрею Бахметеву и х калмыцкому хану Аюке. И великий государь указал со оного доношения в правительствующий сенат для известия подать доношение ж, а о донских казаках надлежащее решение учинить в коллегии иностранных дел тебе государственному канцлеру и государственной иностран-

ных дел коллегии президенту ковалеру графу Гаврилу Ивановичу, да государственному подканцлеру тайному советнику и вице-президенту ковалеру барону Петру Павловичу с товарищи.

Михайла Волков.
Князь Григорий Есипов.

Выпись из экстракта

...Да сего ж июня 15 дня (1721 г.) писал в Астрахань с Самары дворянин Василий Своитинов и при отписке своей прислал яицких казаков от атамана Ивана Иванова с отписки копию, в которой написано:

Минувшего де майя 17 дня писал де к ним калмыцкой владелец Доржа с посланцы своими; были де их калмыки улусом у Индерских гор на Самарской стороне и поехали де ис того улусу два человека калмык на Бухарскую сторону чрез Яик реку для взятъя соли и на тех де калмык дву человек были каракалпаки немалое число и одного человека взяли в полон, а другой раненой ушел в свой улус, и сказывал де тот калмыченин, что было тех каракалпак по смете з 2000 человек, а идут де вверх по Яику реку под их казачей городок, в недалном ростоянии.

И оного ж де майя 20 дня прибыли на Яик казаки их, которые ездили с Яику небольшие люди минувшего апреля в первых числах для взятъя каракалпак в степь к Енбе-реке, и, недоехав до Енбы-реки, в урочище на Уле реке взяли языка киргисца. И сказывал де тот киргизец им казаком в кругу, что пошли де каракалпаки и киргисцы 3000 человек под калмыцкия улусы и под государевы города и под их казачей городок. А большим де собранием пошли в верх по Яику реке выше их казачья городка, а где де оные неприятельские люди явятца с войною под их казачьим городком или под государевыми городами, того им не ведомо.

Указ военной коллегии, 25 августа 1721 г.¹

Лета 1721 августа в 25 день по указу в. г. Петра Алексеевича... государственному канцлеру и ковалеру и государственной коллегии иностранных дел президенту графу Гаврилу Ивановичу Головкину, да государственному подканцлеру тайному советнику и ковалеру и Государственной коллегии иностранных дел вице-президенту барону Петру Павловичу Шафирову с товарищи.

В нынешнем 1721 году, июля в 25 день, в Государственную военную коллегию в доношении из Астрахани полковника и астраханского губернатора Волынского, июня от 26 дня, написано: сего де 1721 году, майя 22 дня, писал в Астрахань с Яику из Гурьева городка порутчик Иван Епанчин: Майя де 16 дня на городок Яик и на Нижней государев рыбной учюг были воровские каракалпаки, по которым из города и из Нижнего учюга стреляли ис пушек, и учинили против их высылку; и потом оные от города отступили и взяли в то число на переезде в полон переведенца рыбного промыслу баграча Максима Ласкина, которой де ехал с учюга с рыбою; а по скаске присланного с Яику с вышеозначенною отпискою капрала Ивана Фоменкова, было де каракалпак, например, по 200 человек, которые, отступя от городка, поехали в степь. И как де он капрал ехал морем подле Чечней в

¹ КИД, Каракалпакские дела, д. № 1, 1721 г.

Астрахань и в то время видел между Яика и Красного Яру подле моря в урочище у Пороховых гор воровских каракалпак две станицы, человек по 20, и по тем ведомостям в города Астраханской губернии, а имянно: в Красной и в Черной Яры, в Самару, тако ж и в селитренной Ахтубинской городок, что под ведением маэора Малостова, на Яик яицким казакам для ведома посланы указы, чтоб были от них во опасении. Да того ж майя 31 дня писал с Терку подполковник Василий Заезерский и прислал при отписке гребенских казаков от атамана Лукьяна Дементьева и от всего гребенского войска письмо, в котором написано: прислали де к ним барагунского мурзу Карсакова кумыцкие владельцы Адемир Амзин з братьями и своим владением, также и Андреевской Чапан Шевкал, согласясь с ними ж, чтоб миритца и договор учинить во всем против прежнего, и казачьих жен и детей, которые у них в полону, хотели всех по договору отдать и что по тому их прошению чинить, и к ним учинить ведение. И против де того их письма велел он казакам с ними миритца до указа царского величества для того, что у них ныне приспело время косить сена, а и хлебу де жатва начнетца быть в начале июня месяца. Однако ж он Заезерской пишет, что оные владельцы, хотя и требуют миритца, но токмо то чинят под политикою для того, чтоб им самим убратца с хлебами, тако ж и с конскими кормами, чтоб им к тому не пропустить своего времени, а потом сумневается от них впредь, как к городу Терку, так и к гребенским казачьим городкам и для промыслу, понеже от них набеги начались с 720 году, с ноября месяца, которыми побрали они немалое число людей в полон русских и иноверцев и побили, также и скота множество отогнали, а отпору им и отмщения и по се время никакова не учинено; того для и впредь им такое разорение чинить повадно, а что де в которое время побито каких людей и в полон взято и что отогнано скота, тому при оном доношении прислан экстракт. И сего августа в 25 день по его великого государя указу государственная военная коллегия, слушав вышеписанного присланного из Астраханской губернии от полковника и губернатора Волынского доношения и при том о нападении неприятельских людей экстракту приговорили в государственную иностранных дел коллегию при указе для известия со оного экстракта послать копию, которая в коллегию иностранных дел с сим его великого государя указом и посылаетца.

Князь Григорей Есипов.

Донесение казанского губернатора А. Салтыкова в сенат, 30 июля 1722 г.¹

В прошлом 718 году поймано в Казанском уезде за Камою рекою из неприятельских людей каракалпаков, которые приходили для разорения тамошних жителей, семь человек и присланы в Казань. И с того 718 году по 720 год оные содержаны были под караулом, а в 720 году ис тех каракалпаков два человека умерли; а достальные пять человек за их воровство, по учинении им наказания, посланы в галерную работу в Санкт-Питербурх. И в том же 720 году каракалпачкой хан прислал в Казань от себя посланцов и с ними трех человек русских людей, кои были у них в полону, и писал, дабы, вместо оных присланных, отдать их взятых каракалпаков. И против того ево ханского письма о повелительном указе что чинить и о возврате каракалпаков посланных в галерную работу, писано ис Казани доношением в государственную иностранных дел коллегию и с того ево хан-

¹ РИД. Каракалпакские дела, № 2, 1721 г.

ского письма, и с допросов присланных русских при том доношении посланы копии. А в прошлом же 720 году, декабря 30 дня, при его императорского величества грамоте из оной иностранных дел коллегии ис посланных в галерную работу каракалпаков прислано в Казань возвратно два человека, а о троих объявлено, что там померли и велено об отдаче их присланных посланцов учинить по рассмотрению моему; и те присланные каракалпаки в Казани приняты и отданы под караул, понеже оные посланцы их не дожидались и уехали до присылки в свою землю. И для объявления оной его императорского величества к ним милости посланы были ис Казани в каракалпаки к хану с листом дворянин да переводчик и писано, чтоб он хан, служа его императорскому величеству, что у них есть русских пленных, всех собрал и прислал, а своих взял. И те посланные ис той посылки возвратились и с ними от оного хана приехали посланцов семь человек, а именно прошлого 721 году декабря 24 дня перед отъездом моим ис Казани в Москву только за день и по приезде в Казань подали лист, в котором по переводе написано, что кои русские пленники были в Ургенчах, и они их выкупили и чтоб для приему прислать отцов их и братьев, а их пленников отдать оным посланным посланцом и отпустить их в марте месяце, с которого его ханского письма с переводу, также и с доезду оного посланного дворенина, для лучшего рассмотрения при доношении в бытность мою в Москве, в государственную иностранных дел коллегия марта 2 дня 722 году поданы копии и требовано, что означенных посланцов отпустить ли и оных взятых в полон дву человек им отдать ли или держать его императорского величества указом повеления. По которому моему доношению ис коллегии иностранных дел указу и поныне не прислано. И за неполучением указа оные посланцы отпуском в Казани одержены, а сего июня 5 дня всепресветлейший державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский, будучи в Казани, иманным своим величества указом указал оных каракалпацких посланцов семь и взятых в полон дву человек в дома не отпущать, а послать в высокоправительствующий сенат, которые посланы при сем казанского гарнизона с капитаном Гаврилом фон Болцом. А для подлинного об них посланцах рассмотрения с присланного ханского письма с переводом, также и с доезду посланного дворянина прилагаю при сем копии, и о том и о посылке каракалпак вышнему правительствующему сенату сим доношу.

Копия с перевода каракалпацкого хана листа²

От меня Ишим Мухамета Батыря хана Алексею Петровичю великое челобитье. Напряме сего промеж нас посланники бывали, а ведомостей от вашего благородия к нам и от нас к вам не бывало, а ныне де от вас к нам посланники явились и ведомость от вас получили и мы с вашими посланники послали своих до вас посланников. Которое было наше зло между нами надобно простить, а впредь бы нам с вами быть в совете; кто на сем свете добро делает, тот бороду белую наживает, а кто на сем свете худо делает, кости его погребают в землю. Которые у вашей милости наши пять человек и тех бы прислать с нашими посланники к нам, которые ваши были взяты в полон в Ургенч, и мы их выкупили, а ежели бы мы не выкупили, то бы их для продажи повезли в иные земли; и чтоб от белого царя и от бояр прислать оных отцов и братьев в посланниках для взятья их, а ко-

¹ Был послан Вершинин.

² Заголовок подлинника.

которые де присланы от вас к нам посланники и, не пустя де нас, воровские казаки¹ их взяли и я старшинам и многим войскам от них киргис-казаков оных посланников взяли, а которого де у них посланников были какие кони и то осталось у них казаков, а мы де к вам послали посланников Джанбек Батыря, Ходжебая Батыря, Турдибая Батыря, Калмухамед Батыря, Темербека Батыря, князя Дюсметева, Санзара и об наших и уездах вашей милости донесут оные наши посланники Янбек Батырь. Да еще ж у вашей милости просим, которые взяты от нас и держатца у вас Каракар Мерган, да Актемир Мерган с товарищи пять человек и слышно нам, что Актемира Мергана Годбаева сына не стало и о нем к нам отписать, что он в живых или нет, имянно с нашими посланники. И прощу, которые у вашей милости наши посланники, пожалуй не задержи, отправь к нам в марте месяце.

Донесение Д. Вершинина о поездке к каракалпакам, 1722 г.²

1721 году декабря в... день по его императорского величества указу велено мне уфимскому дворенину Дмитрею Тимофееву сыну Вершинину с посланным листом ехать к каракалпацкому хану и посланной со мною лист ему хану подать и по подаче того листа ему хану говорить, дабы он хан, служа его императорскому величеству верно, плененных людей российских городов, которые держатца в плену у них, всех бы приказал собрать и прислать с своими нарочными посланцы в Казань, а которые люди ево ханскова улусу держатца в Казани, тех бы взяли для того, что он хан в прошлом 720 году присылал в Казань нарочных своих посланцов трех человек, Долмана Бая с товарищи и просил у его императорского величества, чтоб их пленников, которые держатца у нас, и тех бы отдать ему, а которые русские люди у них есть в полону, всех собрав, обещались отдать.

2-е. По принятии того листа, что он хан скажет, и то мне записывать.

3-е. Ему ж хану говорить, что императорское величество всемилостивейший монарх, милосердая об них, которые их пленники взяты были в российские города в плен, и те их люди посланы были в Санкт-Петербург и по означенному прошению ханскому те люди ево присланы все для отдачи к нему в Казань; и ныне их люди в Казани.

4-е. Ему ж хану говорить, чтоб он людям своим учинил заказ крепкой, дабы они для разорения в российские города не ходили и жили б с людьми его императорского величества в мире и в соседстве той дружбе, понеже ево ханские люди и за вышеписанным ево письмом и прозьбою в прошлом 720 году приходили в русские города и села, и деревни, разоряли, и людей в полон побрали, а других побили до смерти.

5-е. Ежели он хан станет русских людей пленников собирать и с своими посланцы в Казань посылать и ныне с теми посланцы ехать вместе в Казань и тем посланцом обещать государеву милость — жалование.

6-е. Буде ж он хан в отдаче пленников откажет и отдавать не станет и мне просить у него отпуску себе и, как отпущен буду, по тому ж ехать и явитца в Казани.

И по оному его императорского величества указу я Дмитрий Вершинин с посланным из Казани листом, да со мною толмачь Гарасим Овсяников, донской казак Семен Лехов в оную Каракалпацкую орду к Ишиму хану ездили и как поехали с Уфы и будучи в Уфимском уезде

¹ Речь идет о киргис-кайсаках.

² МИД. Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

по Сибирской дороги в Каратабыцкой волости у башкирца Абызана, и оной Абызан нам сказал, что де каракалпацкой посланец, кой приезжал в Казань, князь Досман до приезде нашего у него Абызана умер, а посланного с нами из Уфинской росправной канцелярии указу к нему Абызану о даче нам в каракалпацкую орду провожатых, он Абызан того указу не принял и своей братьи башкирцов в провожатые не дал. И от него Абызана мы поехали к Ишиму хану с каракалпаками с Карабатырем с товарищи, человек с тридцать, которые каракалпаки были в Уфинском уезде по Сибирской дороге для купечества. Только он Абызан написал к Ишиму хану с ними каракалпаки письмо, чтоб нас он Ишим хан кормил и, не задержав, отпустил по прежнему на Уфу. И как мы ис Каракалпаки в киргиз-казацкую орду во владенье Абалгаир хана приехали, а они киргиз-казаки нас пограбили и, пограбя нас, они киргиз-казаки розвезли порознь: меня Дмитрея взял к себе в дом киргиз-казак Токалак и жил у него Токалака шесть недель и он Токалак, да Анкай, да Анзибай и другие киргиз-казаки, — по имению других казаков не знаю, — сказывали мне, что де Уфинского уезду Нагайской дороги Бурзенской волости башкирец Алдарбай приехал к ним в киргизскую орду к Абалгаиру хану в нынешнем де 1721 году летним временем и сказывал де ему Оболгаиру хану он Алдар, что де их братью башкирцов и киргиз-казаков воевать будут русские люди, а то де русское войско пришло ныне на Уфу и чтоб ему Алдару в предбудущей весне он Оболгаир-хан дал 7000 войска и прислал к нему Алдару в Уфинской уезд на Нагайскую дорогу в Бурзенскую волость, чтоб в то время идти ему Алдару с ними киргиз-казаками, для разорения под государевы города, и он де Оболгаир-хан ему Алдару войска 7000 дать обещал и хотел оное войско прислать в Уфинской уезд весною.

Да в то ж время, как я у означенного киргиз-казака Такалака в доме жил, приезжал ко оному Такалаку в дом бывшей Казанского уезду деревни Чалны беглой чувашенин вор Сеитка, которой приходит воровски разорять поукраинные города, и говорил мне, что де ограбить нас велел он Сеитка, будто мы к Ишиму едем воровски. И сказав, он вор Сеитка те слова, поехал в дом свой; после того был я у него Сеитка в доме четырежды, и он Сеитка и киргиз-казаки Алтай, да Азибай с товарищи мне говорили: ежели де императорское пресветлое величество сына ево Сеиткова, тако ж и другова их киргиз-казака Боярка велит отдать, и то де в Хиву и в Бухары чрез их киргиз-казацкой орды путь будет свободной, а ежели сын ево Сеитков и киргиз-казак Боярка отдан не будет, и то де он для воровства и разорения под государевы города ходить будет, а русских пленников у них киргиз-казаков я видел в разных улусах с 50 человек, и сказывали те пленники, что у них киргиз-казаков рускова иноверкова плену з 2000 человек. Да оной же Сеитка сказывал мне, что де писала мать ево грамотку по своей басурманской вере с клятвою, чтоб он Сеитка перестал русских иноверцев воевать, и он де Сеитка сказал ежели сын ево отдан будет, то де он Сеитка на Украину для воровства ходить не будет.

А как мы были в плену у означенного киргизца Токалака, и он Токалак посылал от себя человека к Ишиму хану, что посланы мы ко оному Ишиму хану с листом, и нас киргиз-казаки пограбили, чтоб он Ишим хан, как возможно, прислал от себя для взятия меня и служилых людей, а ежели де он Ишим хан для взятия меня и служилых людей не пришлет, то де он Токалак меня и башкирца Тохтагула хотел отвести на Уфу с собою. И по той ево Токалаковой ведомости он Ишим хан для взятия меня и служилых людей прислал сына своего Алим Салтана с товарищи восемь человек, и он Алим Салтан меня и служилых людей у них киргиз-казаков взяли и, совокупя с посланными

со мною служилыми людьми, привезли к нему Ишиму хану по сю сторону Сыр-Дарьи реки, понеже он Ишим хан был в других своих улусах на сей же стороне Сыр-Дарьи реки. И посланной со мною и с служилыми людьми лист ему Ишиму хану подал, и принял он Ишим хан тот лист с честью и велел прочесть мне, и прочел ему Ишиму хану я тот лист чрез толмачество одного Овсяникова. И, выслушав, он Ишим хан сказал, что де императорское пресветлое величество к нему Ишиму хану ис пленников ево, которые держатца в Казани, повелел прислать хотя человека з два или одного, а его императорского пресветлого величества пленных людей у него Ишима хана что тысячи с полторы, и те де пленники завоеванные, куплены у бухарцов и у хивинцов и у киргиз-казаков, и ежели императорское величество соизволит прислать для взятых тех пленников на выкуп, он де Ишим хан отдавать тех пленников будет, а которые пленники скажутца, что де у него Ишима хана завоеванные и он Ишим хан тех отдавать будет же и без выкупу. И я у него Ишима хана просил, чтоб он завоеванных пленников отдал, и он Ишим хан мне сказал: завоеванных де пленников, кроме купленных, нет, а сказывал мне в тех улусах уже был [у] Ишим хана русской пленник Игнатей Тимофеев сын Кулебякин¹, что де вышеозначенной башкирец Алдар был у Ишима хана в нынешнем же лете и просил войска, чтоб ему Алдару итти с тем войском предбудущею весною для разорения под государевы города, да у него ж де Ишима хана просил он Алдар земли на усадьбу для селитьбы, и он де Ишим хан воинских людей и земли под селитьбу ему Алдару не дал и сказал, что де посылает он Ишим хан до императорского пресветлого величества посланников.

Да я ж Ишиму хану говорил: которые воровские военные люди приходили на Украину и побрали русской полон в прошлом 720 году, чтоб тех пленников мне объявил и возвратил со мною; и он хан мне сказал, что де ево владенья каракалпаки не ходили; и тех пленников видел я в киргиз-казацкой орде во владенье Оболгаир хана трех человек, а сказывали мне киргисы Толбай с товарищи, что ходили на Украину они и тот полон брали они в Казанском уезде по речке Сюлче. А у Ишима хана жил я с служилыми людьми два месяца, и он Ишим хан отпустил меня и служилых людей, да с нами ж посланцов до Уфы и до Казани с письмами каракалпаков: князя Юныбека с товарищи семь человек, да Салтан Мурата хана Маметь Берду, да Тагузбека с письмами; и прибыл с служилыми людьми и с каракалпаки в Уфинской уезд на Ногайскую дорогу в Ерматынскую волость; и ис тех де посланцов Салтан Мурат хан Маметь Берда со мною и с служилыми людьми и с помянутыми посланцы в город Уфу не поехал и сказал, едет де он к Алдару, понеже что де будто русские люди з башкирцы не в миру; и затем де он Маметь Берда к Алдару и поехал и сказывал де он у себя от Салтан Мурата письма.

Выписка сенатской канцелярии²

Декабря 24 дня 721 году в присланном в Сенат с Уфы генерала маэора Кропотова доношении написано.

Ноября де 17 дня 721 году явился ему в Уфе казанской толмач Герасим Овсянников, которой был послан ис Казани от губернатора господина Салтыкова в Каракалпаки с листом к каракалпацкому хану Ишиму, чтоб он взятых пленников ими со стороны императорского величества паки возвратил, а с ним Овсяниковым посланы были из Уфы

¹ Повидимому, в тексте есть пропуск. Более связные сведения об этом сообщает другой посланный Овсянников, см. ниже, стр. 236.

² МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

новокрещенского списка толмачь Дмитрий Вершинин да конной казак Семен Лехов, башкирец Осинской дороги деревни Артаул тож Тохтаул Ахматов и сказали.

Как де он Овсяников с товарищи ехали в каракалпацкую орду и в киргиз де Кайсацкой орде во владенье Оболгаира хана в Дем Депети-ову сотню и в той сотне киргиз-казацкая орда, ево Овсяникова с товарищи ограбя, взяли к себе в полон, и были у них в полону 6 недель, и в то де время у киргиз-казаков слышали, что в то число приезжал к их киргиз-казацкому ко Оболгаир хану Уфинского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости башкирец Алдарка Батырь с сыном своим и с товарищи 5 человек, назвался послом и просил де он Алдарка у хана киргиз-казацкого силы, чтоб со оными итти войною на русских людей, и по тому ево Алдаркину прошению хан Абалгаир силы дать хотел ли, того они не знают, но токмо подарил ево Алдарку он хан 200 лисиц, полтораста волков, 200 корсаков, 6 лошадей, а их толмачей и башкирца называл¹ верами и будто ездят они своею волею и велел ему хану с казаками побить их до смерти.

Да он же де Алдарка, прибыв в дом, посылал х киргиз-казаком с ведомостию, дабы они были готовы, понеже де на них идут руские люди войною, а такие слова, что Алдарка Батырь для одного приезжал к Обалгаир хану, слышали они от русских тамошних полоняников. Тако ж сказывали им, что для того приезжал к хану волости Бирети киргиз-казак Болтака Абыз с товарищи. И, уведав де каракалпацкой хан Ишим, что они в полону, прислал для выручки их х киргиз-казакм сына своего Алим Салтана да князей Янибека и Тирбака с товарищи 6 человек, чтоб их отдали добровольно, а ежели де добровольно им не отдадут, то де они каракалпаки пойдут на них киргиз-казакм за то войною. И они де ему ханскому сыну их и посланной с ними лист отдали, а пожитков их не отдали.

И как де они х каракалпацкому хану Ишиму прибыли и посланной с ними лист ему хану отдали и тот лист он, приняв у них с честью, ответствовал, что русских людей завоеванных у него нет и войною на русских людей не ходит, а есть де у него руские люди в полону, которых он купил у хивинцов и киргиз-казаков и у бухарцов и, ежели де будет его императорского величества повеление, чтоб тех русских людей брать у них каракалпаков на выкуп, то де они отдать им готовы. И отпустил его толмача с товарищи от себя попрежнему; да с ними ж послал в Казань послов своих каракалпаков с письмами, которые будут в Уфу ноября к 22 числу, а киргиз де казаки и каракалпаки приезжают в башкирцы многолюдством на Сибирскую и на Ногайскую дороги, также и башкирцы х киргиз-казакам и каракалпакам с товарищи повсягодно и живут друг у друга по месяцу и по 3 недели. Да как де они Овсяников с товарищи ехали ис каракалпаков в Уфу, встретились с ними на дороге в степи Иргиз башкирца Шима Батыря брат с товарищи 8 человек, с торгом, а как их зовут не знает, и как де он Овсяников был у каракалпацкого хана и в то время сказывал ему пленник русской человек Игнатей Кулебакин, что приезжал де башкирец Алдарка Батырь к хану Ишиму и к хану ж Салтан Мурату и просил у них, каракалпаков, силы, с кем бы итти войною под государевы города и просил под двор земли, чтоб ему у них каракалпаков жить, и салтан Мурат и Ишим ханы для войны под государевы города силы и под двор земли дать хотели ль, не знает.

Да которой де башкирец Тохтаул Ахматов посылан с ним Овсяниковым в каракалпаки, сказывал ему Овсяникову, что де приезжали из бухар к Ишиму хану посланцы и просили у него сына, которого

¹ Т. е. Алдарка.

обещали сделать у себя в Бухарех ханом, а своего хана, которой ныне у них, хотели убить до смерти за то, что де он русских пленников держит у себя в верности и во всем на них полагаетца, а мурз бухарских он хан многих побил до смерти. А Тохтаул Ахматов сказал, что де такие слова он Тахтаул в каракалпаках слышал и ему Овсяникову сказывал.

Указ казанскому губернатору А. Салтыкову, 5 октября 1722 г.¹

В прошлом 1720 году, сентября в 30 день в нашей императорского величества грамоте писано к вам и по доношению вашему послано каракалпаков два человека, которые взяты в 1718 году в приход их для разорения русских сел и деревень и сосланы на каторгу в Санкт-Петербург и с каторги освобождены для отдачи присланным их каракалпацким посланцом, для того, что те посланцы привезли в Казань русских трех человек, которые в допросе сказали, что у тех каракалпаков многое число русского полону, а каракалпацкой хан в листу своем в Казань к вам писал, чтоб русским жить с ними смирно и когда он хан желает миру, то надобно ему всех русских пленных прислать, для чего их каракалпаки, взятые в полон и сосланные на каторгу, ныне им отдаются, о чем велено писать к нему каракалпацкому хану, тебе боярину нашему и губернатору от себя с нарочным или с теми их посланцы и тех их каракалпацких полонеников 2-х человек отослать к ним и учинить о том по разсмотрению твоему, а три человека каракалпаков на каторги умерли.

А сего 1722 году в Сенате в доношении твоем боярина нашего и губернатора написано, что присланные с каторги каракалпаки удержаны в Казани, понеже каракалпацкие посланцы, не дождавсь их, уехали, а для объявления им о том посланы ис Казани к хану с листом дворянин Дмитрий Вершинин да переводчик и писано, чтобы он хан служба нашему императорскому величеству русских пленных всех собрал и прислал, а своих взял.

И те посланные возвратились и с ними от каракалпацкого хана приехало посланцов семь человек, а в листу, с ними присланном, написано: кои русские пленники были в Ургенчицах, и они их выкупили и чтоб для приему их прислать отцов их и братьев, а ежели б они не выкупили, то бы их для продажи повезли в иные земли, а их бы пленных отдать тем посланцом и отпустить их в марте месяце. И по нашему императорского величества указу тех каракалпацких посланцов и их двух полоняников прислали вы сюда к Москве в правительствующий сенат и при том доезд посыланного дворянина Вершинина, что он в пути удержан был и обран от киргиз-казацкой орды во владении Абалгаира хана, и каракалпацкой хан, уедава о том, присылал сына своего Алим Салтана с товарищи восемь человек и взяв их привезли к нему хану; и посланной с ним лист ему хану он Вершинин подал и принял он хан тот лист честно и чрез толмача их, выразумев ис того листа, говорил, что велено их пленных двух или одного отпустить, а у него хана русских пленных с полторы тысячи человек и те не завоеванные, но купленные у бухарцов и у хивинцов и у киргис-казаков, и он хан отдаст их на выкуп и в 1720 году владения ево каракалпаки на российские города не ходили, а ходили и тот полон брали киргисцы Торба с товарищи, и он Вершинин видал сам в киргиз-казацкой орде русского полону з две тысячи человек. В киргиз-казацкой же орде виделся с ним Вершининым бывшей Казанского уезду деревни Чалны беглой чювашенин вор Сеитка, которой приходил разорять украинные

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

города и говорил, что ежели отдан будет сын ево Сеитков и киргиз-казак Боярко, то в Хиву и в Бухары чрез их орду путь будет свободной, а ежели сын Сеитков и Боярко отданы не будут, то они и впредь будут ходить для разорения российских городов.

А присланной каракалпацкого хана посланец Джанбек Батырь с товарищи объявил словесной от хана приказ, что хан желает быть в мире и в дружбе с подданными нашего императорского величества и хочет исполнять повеление нашего величества, чтоб послы и посланцы между нашим величеством и ханом о делах их и о словах ездили; купецкие люди, как российские, так и каракалпацкие между собой купечество отправляли без опасности, купленных русских людей у них много, а сколько числом и что за них выкупу дано и кто имяны и какого чину люди, того подлинно сказать не знают и не тех русских некоторые, которые уже и пооженились на каракалпачках и на калмычках, а некоторые выслужили от хозяев своих свободу, и чтоб отправить к хану посланца, которой может с ханом о выкупе пленных договоритца. Что другие степные народы делают всякие пакости и подъезжают под российские города, а эхо дают будто каракалпаки, а он хан верно обнадживает, что от их народов никогда подъездов и вреди подданным нашего величества не чинитца, а ежели своевольные каракалпаки то чинили, и то без воли ево хана, и он как возможно будет их каракалпаков своего владения от того отвращать и не допускать.

И ис правительствующаго нашего сената то дело и посланцы присланы в нашу государственную коллегияю иностранных дел и сего сентября в... день в государственной нашей коллегии иностранных дел решено на лист каракалпацкого хана ответствовать тебе боярину нашему и губернатору листом своим по приложенному при сем образцу¹ и с теми посланцы послать из Казани офицера или дворянина, которому что тамо делать такожде прилагаетца при сем образцовая инструкция, и, ежели вы, боярин наш и губернатор, с товарищи, усматривая по тамошнему, что еще к тому в дополнение прибавить заблагодарите, и то учинить вам по вашему рассмотрению, для чего с словесного тех каракалпацких посланцов предложения приобщена при сем копия²; что ж показано в доезде дворянина Вершинина, что вор Сеитка чувашенин говорил ему о свободе сына своего и киргис-казака Боярка, за что обещают они в Хиву и в Бухары чрез их орду свободной проезд, и о сем вам боярину и нашему губернатору с товарищи в коллегияю иностранных дел прислать известие, какой тот вор Сеитка и давно ль в ту орду збежал, где сын ево и казак Боярко взяты и ныне содержатца, и какое ваше губернатора с товарищи о сем мнение.

И как ся наша императорского величества грамота подана будет, и вам боярину нашему и губернатору Алексею Петровичю с товарищи о вышеписанном учинить по нашему императорского величества указу и что учинено будет, о том писать в нашу государствениую коллегияю иностранных дел.

Инструкция офицеру или дворянину, кто пошлетце в каракалпаки³

Ехать ему из Казани к каракалпацкому Ишим Мухаметъ хану с посланцы его Джанбек Батырем с товарищи и, приехав, лист боярина и губернатора подать ему хану и, подав, говорить, что он хан приказывал чрез посланцов своих, что он хан желает жить с подданными его

¹ Напечатано в сборнике «Материалов по истории каракалпаков», стр. 171.

² Копия в издании опускается, она напечатана в сборнике «Материалы по истории каракалпаков», стр. 170—171.

³ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

императорского величества в мире и хочет исполнять повеления его императорского величества и посланцы с обеих сторон ездили и купечество на обе стороны отправлялось и его императорское величество изволил сие принять милостиво, и ежели ваши каракалпаки на российские города подъездов чинить и вреды подданным его величества делать не будут, за то вас его императорское величество содержать в милости своей и посланцов ваших в Казань и к Москве допускать изволит и купечество свободно отправлять повелит, в чем будите благонадежны, и изволите то по своему обещанию содержать и исполнять. Потом домогатца у него хана об отпуске русских пленных, которых каракалпаки из российских городов взяли и туда завезли, и тех, которые от хозяев своих выслужили свою свободу и чтоб оные ему были отданы, а которых российских пленных сказывают они каракалпаки выкупили у других, и в тех домогатца ему офицеру, чтоб он хан также для показания к его императорскому величеству своей верности и доброжелательства велел отдать, буде ж так не отдадут, а станут ему говорить, что они их выкупили и дали за них свои деньги и без откупа отдать их невозможно, и ему офицеру просить, чтоб тех выкупленных пленных позволено ему видеть и с ними говорить. И когда ему то дозволено будет, и он тех людей увидит, и ему спрашивать у них самих, подлинно ль так, что они из российских городов были взяты другими тамошними народы, а каракалпаки их выкупили и что за них выкупу дали и в России есть ли у них отцы и братья и родственники, дома и завод, и тот выкуп могут ли они, прибыв на старые свои жилища, за себя заплатить. И наведаясь от них о том о всем, тако в договор вступить и обещать за них заплатить то, что оные полоненики сами за себя заплатить могут и, договоря, требовать тем полонеником отпуску, обещая за них деньги заплатить, и ежели словесному его в платеже денег обещанию не поверят, то и письменно обязатца; которые ж российские полоненники отцов и братьев и родственников, домов и заводов у себя не скажут и скажут, что того откуп самим платить им будет нечем, и тех полоненников ему офицеру переписать всякого порознь, из которого кто места, какова чина, каким случаем и кто его взял и что за него откупу взять желают, и то в роспись привести с собою и прислать сюда для решения, а их обнадежить, чтоб они о выкупе себе ожидали его императорского величества высокой милости и пребывали в вере христианской непоколебимо, а не бусурманились.

Донесение казанского губернатора А. Салтыкова в коллегию иностранных дел, 3 декабря 1722 г.¹

В грамоте его императорского величества из государственной коллегии иностранных дел, писанной в Москве октября 5 дня сего 722 году, в Казанскую губернию писано. По его императорского величества указу и по решению государственной коллегии иностранных дел велено, против листа каракалпацкого Ишима Мухаметъ хана, с которым присланы были от него хана посланцы Джанбек Батырь с товарищи, ответить мне листом своим по приложенному при оной его императорского величества грамоте образцу и с теми посланцы послать из Казани афицера, или дворенина, которому, что тамо делать, тако ж прислана образцовая инструкция и по рассмотрению моему, для того словесного тех каракалпацких посланцов предложения прислана копия; что ж показано в доезде дворенина Вершинина, что вор Сеитко чювашенин говорил ему о свободе сына своего и киргис-казака Бояр-

¹ МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. д. № 2. 1721 г.

ка, что обещают они в Хиву и в Бухары чрез их орду свободной проезд и дабы о том в коллегию иностранных дел прислать известие, какой тот вор Сеитко и давно ль в ту орду збежал и где сын его и казак Боярко взяты и ныне содержатся и дабы о том о всем учинить по его императорского величества указу, и, что учинено будет, о том в государственную коллегию иностранных дел писать. И оная его императорского величества грамота получена в Казани ноября 7 дня сего ж 722 году. И по той его императорского величества грамоте во оную каракалпацкую орду с посланцы их отправлен из Казани с листом сего ж ноября 12 дня афицер Афонасей Филиппов, при нем толмачь, да писарь, а дана ему против присланной образцовой инструкция, а о киргис-казаке Боярке и о Сеитке чювашенине по справке в губернской Канцелярии — в прошлом 718 году писали с Яику яицкие казаки и прислали в Казань вышепомянутого Боярку, которой с другими киргис-казаками подъезжал под тот Яицкой городок для взятия полону и отгону лошадей, и взят в полон, а из Казани в 720 году послан на каторгу в вечную работу в Санкт-Петербург и на дороге умре, а Сеитка Аднагулов был Казанского уезду ясашной татарин и в прошлом 707 году, как бунтовали Уфинского уезду башкирцы, оной Сеитко с ними башкирцы в том бунте был же и в 708 году оной Сеитко ушел в киргис-казацкую орду и с теми киргис-казаками приходит для разорения в Казанской и в другие уезды, и села и деревни разоряют, а сын его Сеитков в Казани под караулом не держиван, а по известию ныне оного Сеитка сын его Имерка жил в Уфинском уезде по Казанской дороге в Ерминской волости деревни Кузметевы у башкирцу Кузметки и для взятия оного посылан был из Казани нарочной афицер, которой, возвратясь, доношением объявил, что Сеиткин сын у вышепомянутого башкирца жил и в доме их башкирца и Сеиткова сына не избегал, а до приезде его уехал в башкирцы и о вышеписанном государственной коллегии иностранных дел сим доношу.

Алексей Салтыков.

Донесение казакского коменданта Вяземского в Московскую контуру коллегии иностранных дел, 31 декабря 1724 г.¹

В прошлом 722 году ноября 7 дня в присланной его императорского величества грамоте из государственной коллегии иностранных дел в Казанскую губернию писано. По его императорского величества указу и по решению государственной коллегии иностранных дел велено против листа каракалпацкого Ишима Мухаммет хана, с которым присланы были от него хана посланцы Джанбек Батырь с товарищи, ответить из Казани листом по приложенному при оной его императорского величества грамоте образцу и с теми посланцы послать из Казани афицера или дворянина, которому тамо, что делать, прислана образцовая инструкция; и с словесного тех каракалпацких посланцев предложения прислана ж копия, что они обещают в Хиву и в Бухару чрез их орду свободной проезд и дабы о том учинить по его императорского величества указу, а что учинено будет, о том в государственную коллегию иностранных дел писать.

И по той его императорского величества грамоте в 722 году декабря 3 дня к помянутому каракалпацкому хану с листом послан из Казани афицер Афонасей Филиппов, да при нем толмачь, да писарь, и дана ему против присланной образцовой инструкции из губернской канцелярии инструкция ж. А сего 724 году, декабря 21 дня в Казани в гу-

¹ МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

бернской канцелярии оной афицер Филиппов явился и сказал: в прошлом де 722 году послан был ис Казани из губернской канцелярии в каракалпацкую орду к Ишиму хану с листами, да с ним же де послан был ис Казани татарского языка толмач Семен Яковлев да Захарова полку писарь Иван Кононов, да каракалпацких посланцов восемь человек. И будучи де они в пути, не доехав до каракалпак верст с пять, вышеписанные де каракалпацкие посланцы, которые ехали ис Казани с ним, послали от себя одного каракалпака Толузбая, который прислан был посланцом от Салти Мурат хана, в каракалпаки, чтоб оттуды каракалпаки выслали их встретить. И оной де посланной от них каракалпак и с ним двенадцать человек каракалпаков, выехав к ним навстречу, и посланные с ним листы у них отняли и их ограбили, а их разобрали порознь, и он де прапорщик жил у каракалпака Сундука, а толмач Яковлев у Джанбека, да у Тенябека, а писарь у Казибая, и жили у них в полону. А сего де 724 году в осень приехал в каракалпацкую орду Уфинского уезду Ногайской дороги башкирец Максет Мулла Юнусов, который был в государственной Коллегии иностранных дел с письмами, и оной де башкирец ево Филиппова и толмача Семена Яковлева у каракалпаков выпросил и отпустили ево Филиппова с товарищем своим башкирцем Сафаром Рысхозяевым, да с яицким казаком Андреем Семеновым, которой был в каракалпаках в полону, в Казань; и послал с ними в иностранную коллегию три письма, написаны татарским языком, запечатаны, а по переводу татарских переводчиков на тех письмах подписано: на первом — подать в иностранную коллегию, на втором — подать в московском царстве в Посольском приказе, а третье письмо без подписи, а толмача де Семена Яковлева оставил оной башкирец Максет в каракалпаках при себе, а писаря Кононова каракалпаки у себя убили до смерти, а за что, про то он не знает.

И оной прапорщик Филиппов и с ним башкирец и яицкой казак с вышепомянутыми письмами посланы в Москву государственной коллегии иностранных дел в кантору и дано им на две ямские подводы прогонов до Москвы два рубли 24 алтына и о посылке оных сим доноситца.

Полковник и комендант Вяземской.

Переводы с турецких и татарских писем

№ 1. Перевод с письма турецкого и татарского, присланного ис каракалпак от Махсута Юносова, полученного в Москве генваря 15 числа 1725 году.

Божиею милостию великому и милостивейшему государю Петру Алексеевичу, над всеми грозному, вожду своего государства и над всеми войски храброму и победителю супостат, поля Кышчакского и Крыма устрашителю, вам императорскому величеству всеподданнейшие раби все каракалпаки, обретающиеся вокрай моря войска, к стопам вашего величества приподаю.

Потом вапему величеству я раб ваш доношу, что от них противности никакой не показано, кроме склонности, которую они, 1000 храбрых начальников, единогласно показали, что де от нас его императорскому величеству противности никогда не будет и не было от давних времен, а хотя де и был присланнй Дмитрий Фирсов у них, которому, чтоб от них противное было, но и напреж того от хана и от салтана нападок и раззореней они де не винивали, на котором слове они себя утверждают и стоят крепко.

К сему же объявляют, что де непостоянный человек Багатырь, именем Джан-Бек к вам императорскому величеству прежде передался, за что ж был содержан в вашей государевой милости, а после он паки к ним перекинулся, чем многое им возмущение учинил он необходимо.

Так же о присланном к ним Афанасии показывает, что де подлинное за посланца не приняли, того для, понеже де он в то время запечатанной грамоты нам не объявил, а как к нам ты Мулла Махсют прибыл, то в то де время мы о том и о всем были уведомлены, которых посланцов мне вручили, и о том противности и преступления и вины нашей де нету, и дабы за оное не было бы гнева вашего императорского величества на них, а о чем де он Афанасей предложить имеет, о всем подлинно сам¹ и о сем их предложении они все каракалпаки и казаки, обретающиеся около Дарьи, покорно просят и объявляют, ежели повелено будет в Крым или на всех степных тамо обретающихся обывателей нам итти, то де с охотою нашею служить готовы, что за благо приемлют.

Требуют же, когда отправлены кто от них будет в Россию, то дабы были пропусканы до вашего величества без задержания, так же, по отправлении дел, и возвратно пропусканы б были незамедля.

Объявляют, что здесь де российского народа многое число, а и наших де народов также в России и дабы одного за одного розмену учинить, и чтоб сие в приятность причтено было, так же дабы сего Сафара с есырем, не удержав, отправить возвратно, о чем паки просят.

О калмыцких и башкирских юртах, что оные указом вашего величества в протекции вашей утверждены, о том мы каракалпаки о всем сведомы, о чем де и мы в городе Уфе² договор свой учинили;

И дабы ниоткуда опасения ни о чем не было, и ежели с сим посланцем кто прислан к ним будет, то чтоб никакого опасения не имел бы, понеже казаков на дороге никого нет, тако ж де, ежели от него посланного Сафара они доброе известие получают, то со мною Муллою Махсутом довольно их войска в Россию прийти желают, аще бог о сем сонзволит.

При том письме для утверждения утверждают печатью Худай Назаров с четырех углов.

И письмо писал Махсют Юнусов сын и руку приложил. На подписи подписано посему.

Сие письмо в Москве граде в Посольском приказе да вручится.

Сей перевод переводил переводчик Сулейман Еникеев. Переводили при переводчиках ученик Гаврило Ангельцов, генваря 16 дня 1725 году.

№ 2. Перевод с письма (турецкого) и татарского, присланного от Худай Назара каракалпатского, которое в Москве получено генваря 15 дня 1725 году.

Щасливейшему и благополучнейшему, всего света славному государю, его императорскому величеству Петру Алексеевичу доносим мы раби ваши низжайший.

Понеже задержан я был в Казанской и Астраханской губернии, в городе Казане от Никиты Алферьевича, которой своим произволом отца моего и жену и меня бил напрасно, также и все наши жители каракалпаки и казаки великие обиды от него, Никиты, претерпевают,

¹ Так в подлиннике.

² Уфа админист. центр того времени.

за которые ево обиды и нападки они каракалпаки злобствуя, с российским народом воюют.

И хотя мы, низжайшии раби ваши, и погрешили пред своим монархом вашим величеством, и оное не от нас, но от него Никиты за напрасные нам от него нападки и казни, в чем он бога не боится, а вашему величеству ни о чем о том не объявляет.

К сему же доношению предлагаем вашему величеству Петру Алексеевичу, мы низжайшии раби ваши, ежели что повеленное от вашего величества ко услужению будет, на что склонность наша служить вашему величеству главами нашими готова, в чем содержимся всеми нашими юртами, каракалпаки и казаки единогласно о сем объявляем, а для уверения при сем письме Салтан Мурат хана вместо печати тамга такова. При том же письме печать Худая Назарова. Подпись на пакете такова: вручить сие письмо в Москве в Коллегии иностранных дел.

Переведено генваря 18 дня 1725 года. Переводил переводчик Сулейман Еникеев.

В прошении к его императорскому величеству от казанского татарина Сеита, который живет в каракалпаках в бегах, по переводу написано.

Щастливейшему и пресветлейшему, во всей вселенной славнейшему государю Петру Алексеевичу, доношу я раб ваш, от какой причины я из Казани ушел и живу при морце Сире; того для, что мне показаны были великие обиды от губернии Казанской и Астраханской, а именно Никита Алферьевич в Казане меня и отца моего и жену мою пытал напрасно, а миром нас оправдали, что мы не винны, и хотя весь народ нас и оправдал, однако ж Никита нас мучил без всякой причины, изветчика, жителя города Сока, Федосея, не розыскал и ему ничего не учинил, а нас всегда беспокоил, и от того весь народ и бунтовали, от нападения его же Никиты, понеже самовольно, на кого осердитца, то, не боясь, безвинно казнил смертью и никогда вашему императорскому величеству правильно не доносил. А ныне мы, оставя свои жилища, скитаемся в чужих краях и своему государю, вашему величеству, согрешили мы от него Никиты. К сему ж вашему величеству Петру Алексеевичу покорно доношу я, низжайший вашему величеству всегдашней раб, хотя я и здесь живу, однако ж вашему величеству со усердием служить готов, понеже российские люди, в которых бы сторонах не были, в каракалпаках или в казаках в полону, всех я знаю, где держатца, и их могу высвободить на розмену, хотя б они и у Салтан Мурата были. Позади листа написано, сей знак Сеитов. При том же есть и печать приложен чернильной, в ней имя Худай Назарово.

Переводил Мамет Тевкелев.

№ 3. Перевод с письма татарского присланного от Мурада шейха Азиз с товарищи, полученного в Москве генваря 15 дня 1725 году.

В начале пишет.

По нашему разсуждению и всех общего совета нашего, а именно: Мурад шейха Азиз, князя Худай Назара, князя Турсуна, Карабаша Богатыря, князя Аит Кула, князя Чюберлея и всех старшин наших, и больших и малых, и князя Ишима по премному прошением нашим просим его императорское величество о сем нашем нижепоказанном предложении.

Прибыл к нам из Уфы Мулла Махсют, от которого мы получили весть, а которой был с Джаном Беком Багатырем посланник и оного посланника мы отпустили, понеже он воровски у нас блуд учинил с

женским полом, того ради за оное с тем посланником от нас не дружески поступлено было. Но как к нам прибыл Махсут мулла то мы, по объявлению через ево Махсута, узнали, что он — посланник, а понеже оной по прибытии своем от великого государя к нам за печатью грамоты не привез, того для мы ево за посланника не признавали, и оного для в братство и дружбу не приняли. Ныне у нас и у казаков российского народа содержится с 5000 взятых из верхних городов, а наших народов каракалпак и казаков также есть на Уфе. И ежели соизволится, то дабы одного за одного розменять, и о тем буде намерение сочинится, то который послан за посланником от Махсута, чтоб одного незамедля паки возвратно к нам прислать с подлинною ведомостию, коликое число каракалпак и казаков поимянно в России содержится. Также дабы с сим посланным Сафар Муллою отправлен бы был ваш особой посланник с ним вместе.

У того письма Мулла Махсут сын Юнусов руку приложил.

У того ж письма печать Мурад шейха Азиз. Еще другая печать.

Абдулла Магомета.

Над теми печатями подписано:

Сии печати положены от всего собрания нашего. К тому ж на тое письмо знаки их.

Переводил переводчик Сулейман Еникеев. Переводили при переводчиках ученик Гаврило Ангельцов. Генваря 16 1725.

№ 4. Перевод с письма турецкого и татарского, присланного от Махсута Юнусова, которое получено в Москве генваря 15 дня 1725 году.

Божиею милостию его императорского величества превосходительному господину Петру Андреевичу Толстому, и судье полковнику Петру Ивановичу Вельяминову-Зернову, сие в доношение предъявляю.

Понеже известно его императорскому величеству, что которой отправлен посланник в Бухары Флиории Беневи, от которого прислан был я, Юнуса Ахуна сын Махсут, с нужными письмами в Москву в Посольской приказ, откуда указом повелено мне ехать в Бухары. Паки и для провожания повелено при мне быть 10 человеком башкирцом и одному русскому и оных при мне ни одного человека ныне не обретається, о чем в городе Уфе я объявлял и доношение предложил; понеже те башкирцы, убояся, сказали, что де нас убьют; того ради они остались и со мною не поехали и я, полагаясь на волю божью и уповав на его императорское величество, отправился в путь, токмо взял с собою в Ногайской дороге в юртах, в Юрмантеевой деревне, татарина Сейтова сына Ногая.

И как прибыли мы к морю в каракалпаки, где напали на меня каракалпаки и лошадей у меня отняли, также у двух моих служителей, что было, то все пограбили, а нам самим никакой вреды не учинили. И в то же время все каракалпакские князья собрався, спрашивали меня, чего для я к ним приехал, на что я им ко ответу предлагал, что прислан я от его императорского величества и объявил и всем каракалпатским князьям и протчим при них почтенным, которые в собрании были, его императорского величества милосердие, и уговаривая их к склонению, что они приняли благоприятно и радовались. Потом они каракалпаки двоих присланных к ним, которые у них содержались под арестом, оных мне вручили, и объявили мне о них, что де о тех посланных мы неизвестны какие они люди, понеже де они при сем запечатанных [писем] никаких не объявили, и у них де мы не видали, что подлинно он Афонасей о всем донесет сам. И сие учинил я, хотя без указу, но на волю божью и его императорского ве-

личества милосердие полагаясь, и, ежели против сего предложения их милостивой от его императорского величества им прислан будет указ, так же и мне о том повелено будет, то они обещают радетельно посланника Флиории Беневи, как возможно, препроводить до его императорского величества, также обещание свое с общего совета безлестное предлагают, что де мы государю своему никакой неправды не учиним, что боже благоволит, и ежели бы я правдиво с ними поступил, то мною, чтоб меня жива не упустили, или какой вред учинили б, чего для принужден был я с ними поступить так. Уведомился я, что его императорского величества посланник Флиория Беневи в добром здравии обретается в Бухарах, но токмо из служителей его 6 человек тамо в Бухарах взяты (отняты) для услуг хану, о чем он посланник никакого противления чинить не может. И тако оное тамо сочинялось, что предлагая ко известию.

Еще доношу, что между бухарским ханом Абулфеизом и Самаркандским ханом Режепом содержится война и доньне. К сему ж доношу, что также и между хивинским ханом Ширгазеем с орадским¹ ханом Шахтемиром содержится и ныне война, чего для нынешнего года он хивинской хан стоит в местечке Калбраке и, чтоб Шахтемир от него не ушел в Бухары, того для от стороны Бухарской на дорогах поставил караулы. И которые обретающиеся каракалпаки по реке Дарье собранием 1000 начальников все купно служить его императорскому величеству желают, и один богатырь именем Ушуну, Аюке хану свойственник, который через войну с Абулхаиром ханом город Туркестан взял было и 32 улуса, но потом он Абулхаир хан, соединясь с казаками, паки чрез войну в Туркестан пришел и содержит даже и доньне паки в своем владении, а во оное время тот Ушуну богатырь х контайше послал со известием и подарки и договором таким, ежели кто из подданных их изменит и уйдет, тот да будет казнен смертью.

Так же как он Ушуну Богатырь Туркестан город взял, в то время от себя отправил в бухары с поздравлением посланника которой принят приятно и оттуду паки возвращен с честью и подарки, а ныне Абулхаир хан Туркестан города паки содержит попрежнему, а посланники ныне обретаются у салтан Мурата, которых от себя не отпускает, и так здесь сочиняется: которые были сего года казаки побраты от калмыков, из оных человек с 40 к ним возвратились, а прочие все пропали. Между каракалпаками и башкирцы никого из казаков нету, понеже казацкой князь с ними не совокупляется, а и они его не приемлют, а первый хан каракалпатский умре, а князя их в благолюбительном состоянии содержатся, и в согласии своем состоит крепко. А казацкого князя того для не приемлют, понеже безумный, но однако каракалпаки и казаки все между собою обходятся, как и прежде, единокупно. А начальник князь Назар ко благому намерению более всех склонен, токмо подарки или гостинцы любят.

Оральцы и хивинцы между собою обходятся так, ежели один з другим увидятся, то друг друга умерщвляют.

Здесьние князья обычаи имеют, чтоб были подарены, чего для обходятся приятно и любительно, а ежели не будет подарку, то во всяком обхождении не так любительны, а о предбудущем не разсуждают, но токмо о настоящем и говорят, дело настoit сего дня, однако ж в чувство прийти могут.

И ежели по сему делу какое отправление будет, то дабы повелено во отправлении всего быть толмачю Петрушке Куклину, которой обре-

¹ Шах Темир — хан аральский.

тается в городе Уфе, понеже о всем он как о пути здешнем и обхождении и о прочем знает, и буде он послан будет, то дело всякое может сочиниться. Которой купецкой караван ходит от Яицких казаков и самарканских жителей, по тому пути проезжать сюды способно и в сих странах обретаются реки, а именно, Чимсидемир, Мугаяр, Аджин, и оные реки впади в море, которые неглубоки, и возможно чрез них вброд переходить, а и каракалпаки качают подле моря близь реки и страны Яика и от сего места до Хивы ходят в 25 дней.

Худай Назар и прежним присланным к ним посланцом был приятен, и шурии ево Мурза таков же и еще Ходжан Бердеев сын Арык, Именглебаев сын, которые желают и прозбою просят сами, дабы были порадованы какими подарками и, ежели будут чем пожалованы, то и прочие возымеют охотную склонность и ко отправлению от себя посланцов добрых. Здешних стран состояние таково, буде ис красных сукон на 50 или на 100 рублей прислано будет сюды, и то учинить для пробы, надеюсь, что примут zelo благодарно, и буде по сему учинено будет, то довольно к лутчему их порадованию, и пользе состоятися может.

При сем же доношу, что которой казак Маргян из Бухар от Флиория ехал со мною вместе, понеже и при Флиории был он верным, и в пути нас пограбили, о чем и в допросах своих показали. А ныне одного казака брат у яицких казаков содержится окован в железах, о чем яицкой казак Андрей Семенов о всем донесет словесно, и другой русской же, а вышеупомянутой яицкой казак Маргян и нам во всяких случаях услугу свою показал верную, и о том просим, ежели с сим нашим посланным Сафаром казак к нам вместе прибудет, то нам в пользу бы было.

Так же Марьянов брат казак Довлет Бай к Москве поехал, о котором я неизвестен, где обретается, а за нево один русской готов.

А мне отсюды проехать никуда невозможно, понеже которая хотя и казаки посылаются в Бухары, но токмо на дороге их грабят, того для и боятся.

Которые двоя обретались при мне служители, и из оных одного именем Сафара послал я с сими письмами, а другога намерен я отправить в Бухары, а как купецкие люди возымеют в Бухары путь, тогда и я с ними как возможно отправлюсь и поспешать буду. А ныне обретаюсь я в местечке Дарья-Сыр. Никаких ведомостей к нам, как из росписи от его императорского величества, так и из Бухар от посланника Флиория не слышно, а от сего местечка с сими письмами вышеупомянутого я отправил, и против сего повелительного указа, здесь же ожидать буду чрез сего посланного.

Письмо писал месяца Реббияввеля первого дня.

У того письма печать Магомет Махсюта. Переводчик Сулейман Еникеев. Переводил при переводчике ученик Гаврило Ангельцов. Генваря 21 дня 1725 году.

Показания Сафара Расхозяева в коллегии иностранных дел, февраль 1725 г.

1725 года февраля в... день в коллегию иностранных дел явился уфинский татарин Сафар Расхозяев и допрашиван, а в допросе сказал. В прошлом 1724 году прибыл в башкиры татарин Максюты Юносов, которому велено ехать с письмами, посланными с ним в Бухары к секретарю Флиорию Беневу, и велено ему для проживания взять уфинских башкирцев 10 человек. И для провоза ево Максюты записались во всех четырех дорог башкирцев 10 человек, и в то число произнесся слух, что в каракалпацкой орде есть опасение от неприя-

тельских людей, и того ради оные 10 человек с ним Максютю не поехали, что видя он Сафар, хотя и имел опасность, однако ж, желая показать свою к его императорскому величеству службу, для провожания ево Максюты через каракалпацкую орду в Бухары с ним Максютю поехал для того, что он ту дорогу знает. И когда приехали они в каракалпацкую орду и услыша, что чрез оную ехать в Бухары опасно, понеже на той дороге была война у каракалпаков и казаков с тухменцы. И того ради жили они в каракалпацкой орде 40 дней. И в ту свою бытность, увидя тамо казанского гварнизона прапорщика Афанасья Филиппова, о котором он Максютя был известен, что он послан ис Казани в каракалпаки, по его императорского величества указу с листами и тамо задержан. И просил он Максютя о нем прапорщике и о толмаче, которой с ним прапорщиком послан, каракалпацких владельцев, чтоб их свободили, объявляя им, что они посланы к ним его императорского величества указом, и по той ево просьбе оные владельцы их прапорщика и толмача ему Максютю отдали. И потом он же Максютя, увидя там яицкого казака Андрея Семенова, который был взят в полон от киргис-казаков, и выпросил ево у хозяина ево на обмен, за которого обещал отпустить киргис-казака, которой держитца на Яике, и по той просьбе тот ево хозяин того казака ему Максютю отдал на поруку в том, что б ему Максютю того киргисца вывободить и привести бы в Каракалпаки ему Сафару с собою. И потом он Максютя намерился тех полоняников для лутчаго без опасения в пути тамошними бродами отправить с ним и отпустил их прапорщика и казака с ним Сафаром, для подлинного об них объявления и верности, а толмача оставил при себе для того, что не имел он толмачь лошади, на чем ево отпустить. И со оными прапорщиком и казаком приехал он в Казань и ис Казани отпущены в Москву. И из Москвы ис канторы коллегии иностранных дел отправлены в Санкт-Петербурх, а письма, посланные с ними от Максюты, подали ассесору Петру Курбатову, которой приказал им явитца в коллегии иностранных дел, где и явился, а он Максютя, по отезде ево Сафарова, хотел отправить в Бухары не замешкав, а с собою хотел взять киргисца Аюки хана, которой жил в каракалпаках, а толмача оставить до возвращения ево Сафарова в каракалпаки.

При отпуске ево Сафара ис каракалпацкой орды татарин Максютя Юносов приказал ему в коллегии иностранных дел словесно донести, что просили у него Максюты те каракалпаки и киргис-казаки, чтоб повелено было указом его величества собрать пленных их, которые имеются в Астрахани, в Сибири и на Яике в городе и переписать их имена и послать с ним Сафаром, понеже и они каракалпаки и киргис-казаки хотели послать на розмену с посланцы своими русских пленных, которые у них держатца, о которых он Сафар слышал, что имеетца оных русских у каракалпак с 400, у киргисцов 600 человек, а подлинно ль, того он не знает; он же Максютя велел донести, чтоб ево Сафара отправить к нему Максютю, незадержав, как наискоряя, понеже ему Максютю возвращаяся оттуда на дороге без него Сафара будет трудно и опасно. А прибыть бы ему Сафару к нему Максютю конечно в мае месяце сего года.

При сем же допросе он Сафар доносил, что ежели он Сафар послан будет от вышеписанного Максюты или сам усмотрит, что к лутчему интересу ее императрицына величества, и поедет для донесения о том ко двору ея величества, чтоб ево повелено было пропускать незамедля и того б ради в городаы ко управителям даны ему были повелительные указы.

Между Яиком и башкирцы на реке Сакмаре городок строитца, а какие люди и по какому указу строят, о том он Сафар не знает.

Донесение коллегии иностранных дел в сенат, 1725 г.

1. В 1722 году, по присланному от правительствующего сената делу и по отправленной ис коллегии иностранных дел грамоте, посылан был ис Казани (с присланными ко двору его императорского величества каракалпацкими посланцы) прапорщик Афонасий Филиппов, при нем толмачь, да писарь с каракалпацким владельцем с листами, которому велено, по их же каракалпацкому требованию, объявить, чтоб жили дружно с поданными его императорского величества, в миру и посланцы со обеих сторон ездили и купечество отправлялось, по требованию ж каракалпацких владельцев освобождено с каторги два человека каракалпаков и посланы с ними ж посланцы.

2. В 1723 году отправлен в Бухары к секретарю Флорию Беневени с рескриптом об отзыве ево отгуды присланной от него Флория уфимской татарин Максюты Юносов.

3. А в доношении одного татарина Максюты с присланным от него уфимским татаринном Сафаром Росхозяевым и освобожденными тем Максютю ис полону ис каракалпацкой орды помянутым прапорщиком и яицким казаком Андреем Семеновым, о присланном прапорщике Афонасье написано, что за посланца [каракалпаки] не приняли для того, что он запечатанной грамоты им не объявил, а как Максюта прибыл и, от него уведомясь, их посланцов ему отдали и просят, чтоб за то не было на них гневу императорского величества; в листу Шиха Азиза и протчих начальников написано, присланного де ис Казани, которой приехал к ним с посланцом их Джанбеком, за посланца они не приняли для того, что он не привез от его императорского величества грамоты, а когда уведомились о нем от муллы Максюты, что оной подлинно прислан посланником и одного Максюты, взяв, паки отправил. Прапорщик, посыланной за посланца, сказал; не доезжая киргис-казацкой орды дней за пять едущей с ними ис каракалпацких посланцов один Тулузбай поехал в каракалпацкую орду, объявляя ему прапорщику, что он [едет] о приезде их объявить начальником и вышлютца на встречу провожатые для береженья; и после трех дней встретили их каракалпаки Адым с товарищи двенадцать человек и, отъехав с ними с версту, у него прапорщика письма отняли и их ограбили и развели в разные места и держали за караулом и по приезде татарина Максюты ево прапорщика отпустили в Россию, а толмача оставил он Максюта у себя, а о писаре объявили, что он за блудное дело убит.

Мнение коллегии иностранных дел на 3 [пункт]. Присланного ис каракалпацкой Орды от татарина Максюты Юносова татарина Сафара отпустить по прежнему к нему Максюте и с ним отпустить вызволенного от каракалпак яицкого казака Андрея Семенова на Яик, а за него отпустить с ним Сафаром киргисца Аркеля, о котором промеморию из Военной коллегии показано, что об отпуске ево на Яик и грамота послана, а х казанскому губернатору послать грамоту, дабы он ево Сафара отправил и с ним х каракалпацким владельцем писал, представляя им, что, когда присыланы были в 1722 году их посланцы Джанбек Батырь с товарищи, блаженные и вечнодостоинные памяти его императорского величества изволил принять милостиво и его императорского величества жалованьем и в дорогу кормом были удовлетворены и по требованию их каракалпацких владельцев через тех посланцов отпущено с ними два человека каракалпаков, которые за тяжкие свои вины посланы и надлежали быть вечно на каторге; против же того они каракалпаки, когда с их же посланцы отправлен был ис Казани послаец прапорщик Афонасей Филиппов и с ним толмачь и писарь, с оным не токмо как посланному от его импера-

торского величества надлежало з достойным почтением приняту быть, поступлено яко с злодеями, ограблены и взяты в полон, а одного из них писаря и до смерти убили, и дабы они каракалпацкие владельцы впредь поданных своих от таких непорядочных поступок унимали и впредь так чинить не допускали.

4. В доношении татарина Максюты от каракалпак противности никакой не показано, но склонность, которую 1 000 храбрых начальников единогласно объявили, что от них его императорскому величеству противности никогда не будет и не было от давних времен, а объявляют они каракалпаки и казаки, ежели повелено будет им в Крым или на всех степных обывателей итти, то они с охотою служить готовы; когда от них отправлен будет кто в Россию, чтоб пропусканы были как туды, так и назад незамедля; росийского народа у них многое число, а и их де народов в России имеетца; чтоб одного за одного розменить и посланного Сафара с есырем отправить возвратно. Ежели какое будет отправление, тоб велеть быть уфимскому толмачю Петру Куклину, понеже он обычай их и обхождение и путь знает и дело благое может сочинить; Худай Назар к прежним посланцом был приятен и шурин ево Мурза и ево Хаджан Бердеев сын Арык, Именглебаев сын, которые желают подарков, и ежели будут подарены, то видя, и протчие возимеют склонность, а прислать бы для пробы красных сукон рублей на пятьдесят или на сто, что надеетца примут благодарно.

На 4 [пункт]. Потом надлежит их каракалпаков приласкать и уговаривать, чтоб они с подданными ея императорского величества жили в миру спокойно и никаких набегов под росийские города и народу росийскому вреда не чинили, обнадеживая их ея императорского величества милостью, что ежели они исполнят оное повеление, то ея величество изволит их содержать в высокой своей милости и посланцов их в Казань и к Москве допускать и купечество свободно отправлять повелит. И ежели [посланный] усмотрит их склонность и добродетельство к стороне ея величества, тогда, разведав подлинно, отправить ему посланцов, ис кого он по тамошнему состоянию усмотрит, с которыми послать к тамошним владельцам, которые к стороне ея величества доброжелательны, подарков рублей на сто.

5. В листу Шиха Азиса и протчих начальников написано, ежели изволят быть в приятстве, то прислать посланца, понеже у них имеется русских 4 000 человек, которые взяты из Ургенча и ис казаков, тако ж и у казаков имеется русских 5 000 человек; ежели изволят с ними смирно жить, то б прислать в город Уфу, которые взяты от них в полон, на посмену человек против человека, а посланной от муллы Максюты Сафар, как можно вскоре, был отпущен и с ним отправить посланца и роспись мяням тем пленным, которые взяты от них. Присланной от Максюты уфимской татарин сказал, присланного де яицкого казака он Максюта высвободил на поруки, в том, что ему Максюте высвободить киргисца и привести ему Сафару с собою и велено ему Сафару прибыть туда конечно в мае месяце сего года, а яицкой казак Андрей Семенов сказал, чтоб обещано вместо ево высвободить казака Аркеля, которой содержится на Яике.

На 5 [пункт]. О размене пленных дать комиссию казанскому губернатору, чтоб он к ним каракалпацким владельцем отписал, что понеже они сами требуют, дабы розмену учинить, что и с стороны ея величества оное милостиво приемлетца, того ради дали б они знать, сколько у них, как в нижних, так и в верхних юртах росийских пленных и ис каких чинов и, ежели от них такая ведомость пришетца, то ему губернатору осведомясь подлинно, что их каракалпаков пленных имеется в Казанской губернии, дать знать и им каракалпаком и согла-

паться с ними об оной розмене, чтоб о том учинить комиссию на Уфе, понеже о сем и их каракалпацких владельцев желание есть и, согласясь, чинить размену, проводывая и усматривая, которой бы человек рангом и знатью против которого стоил, а прежде вызволять афицеров и других служилых людей, а потом и о протчих подлого народа российских.

6. В доношении татарина Максюты [указано] ежели к ним прислан будет указ, так же и ему повелено будет, то они обещают посланника Флория, как возможно проводить, что предлагают с общего совета, что никакой неправды не учинять; Флорий обретается в Бухарах здоров, токмо из служителей ево шесть человек у него отняты для услуг хану, в чем он противитца не может; ему Максюту оттуда проехать никуда не мочно, хотя и казаки посылаютца в Бухары, а как купецкие люди поедут, то и он с ними отправитца и поспешать будет, а ныне обретается в местечке Дарья Сыр.

На 6 [пункт]. К нему ж губернатору писать, дабы он отправленному уфимскому татарину Сафару приказал, чтоб он, прибыв в каракалпаки, татарину Максюту Юносову объявил, дабы он всякими способами домогался проехать в Бухары к Флорию Беневени и ево оттуда высвобожал, требуя и от них каракалпаков в том споможения, обещая им (ежели они в том спомогут), что учинено будет им за то награждение, и быть ему Сафару у каракалпак до возвращения ево Максюты из Бухар; а когда он Максюту из Бухар возвратитца, тогда ему с ним Максюту ехать в Россию и явитца в коллегия иностранных дел, и для той посылки надлежит ему Сафару дать на дорожной проезд и для тамошняго жития пятьдесят рублей.

7. В доношении прапорщика, как он ехал ис каракалпаков в степи, между Яиком и башкирцами на реке Сакмаре строят городок, о котором, как он слышал, что строят пришедшие русские люди сибиряки, а по какому указу и подлинно ль они сибиряки тот город строят, того он не знает, а ведает о том подлинно яицкой казак, которой с ним прислан Андрей Семенов, тако ж и татарин Сафар; казак сказал, что в том месте городок строитца, а какие люди и по какому указу не знает; а татарин сказал: между Яиком и башкирцы на реке Сакмаре городок строитца, а какие люди и по какому указу строят, о том Сафар не знает.

На 7 [пункт]. О сем правительствующему сенату коллегия иностранных дел доносит во известие.

**Промемория военной коллегии в коллегия иностранных дел,
26 июля 1725 г.**

Сего 1725-го году февраля 26 дня, в военную коллегия ис коллегии иностранных дел в промемории написано: явился де в той коллегии яицкой казак Андрей Семенов, которой показал, что был он в полону у киргис-казаков, и выпросил де ево у хозяина на поруки уфимской татарин Масюта Юнасов со обещанием, что вместо ево отпустит киргис-казака Аркеля; и по приговору военной коллегии велено об отдаче в киргисцы помянутого, обретающегося на Яике, пленного киргис-казака Аркеля, вместо оного выпущенного за порукою яицкого казака, Андрея Семенова учинить на Яике по сенацкому определению, о чем на Яик из военной коллегии и грамота послана и в коллегия иностранных дел промемориею ответствовано марта 27 дня. А прошедшего июня 19 дня в военную коллегия в доношении приезжаго с Яику лехкой станицы атамана Ивана Логинова с товарищи написано: по указу де из военной коллегии велено пленного киргис-казака Аркеля отдать с Яику, вместо выпущенного за порукою уфимского татарина Максюты ка-

зака Андрея Семенова, а оной де Аркель взят у них в полон с тремя братьями родными Карамельгеном и Салтаем и, будучи на Яике, обещали за себя на три тысячи рублей купить в своей земле русских добрых десять человек казаков, по которому обещанию отпустили из них одного Карамельгена, а Аркель и Салтай содержались на Яике. И в прошлом де году Салтай бежал, и требуют, чтоб оного Аркеля, которой в поруке по братьях своих и в поставке русских казаков, вместо казака Андрея Семенова не отдавать, а отдать бы равного ему, понеже де он Аркель может дать десять человек, а ежели де и ево отдать только бы он поставил вместо братьев своих русских казаков, понеже он по них ручался, а покамест оного не учинит, по то время ево с Яику не отпускать. А понеже по резолюции правительствующего сената марта 8 дня сего 725 году велено яицким казакам взятых в полон каракалпаков и киргиз-казаков отдавать на розмену на взятых же ими яицких казаков с свидетельства атаманского и всего войска и притом смотреть, ежели ис тех пленных и из их народа будут какие знатные люди, то за таких яицких казаков брать числом людей со излишеством, смотря по достоинству, а не один на одного менять; разве таких одного против другога менять, ежели явятца рядовые каракалпаки убогие люди равные с яицкими казаками, и как оным доношением о помянутом киргисце Аркеле объявлено, что из их народа знатной он человек и за порукою ево для исходатайствования ис полону яицких казаков выпущен брат ево, с которым они десять человек выкупить обещали, и сего июля 24 дня по указу ея величества государыни императрицы государственная военная коллегия приказали: по оному правительствующего сената определению, вместо выпущенного ис полону яицкого казака Семенова, отпустить на розмену равного ему из рядовых киргиз-казаков, или каракалпаченина одного, а вышеозначенного Аркеля удержать, покамест, по обещанию ево з братьями, вместо себя десять человек из русских казаков или сколько, по рассмотрению яицкого войскового атамана и всего войска поставят. И о том на Яик послать грамоту, а для известия в коллегия иностранных дел промеморию, в которой объявить, хотя в военной коллегии, по предложению оной коллегии иностранных дел и учинено такое решение, чтоб помянутого киргисца Аркеля отдать вместо отпущенного от них яицкого казака Андрея Семенова, токмо тогда неизвестно было, каким образом оной Аркель на Яике содержался; а ныне, по объявлению яицких казаков, за вышеявленным правительствующего сената определением отпустить ево невозможно, ис чего видно, что братья ево: один отпущенной за их порукою, а другой, ушедшей, не хотя о выкупе яицких пленных казаков обещания своего исполнить чрез означенного уфимского татарина Максюту одного казака за всех за трех под видом, якобы на одного Аркеля отпустили подлогом, а оному Максюте в такие дела и вступать повеления не было; и о том на Яик из военной коллегии грамота послана, и государственная коллегия иностранных дел да благоволит о том ведать.

Из донесения казанского губернатора А. Салтыкова в коллегия иностранных дел, 10 августа 1725 г.¹

В грамоте ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской, из государственной коллегии иностранных дел, писанной в Санкт-Петербурге мая 24, а в Казани полученной прошедшего июля 26 дня сего 725 году, ко мне писано: мая де в 8 день сего году из правительствующаго сената в присланной в коллегия иностранных дел

¹ МИД. ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

резолуции написано: велено присланного ис каракалпацкой орды от татарина Максюты Юнусова татарина Сафара Росхозяева отпустить по прежнему к нему Максюте и с ним отпустить вызволенного от каракалпак яицкого казака Андрея Семенова на Яик, а за него отпустить с ним Сафаром киргисца Аркеля, о котором промеморию из военной коллегии показано, что об отпуске ево на Яик ея величества государыни императрицы грамота ж послана, а по оной бы грамоте мне ево Сафара отправить и с ним к каракалпацким владельцам писать... И по той ея величества государыни императрицы грамоте в Каракалпацкую Орду означенного татарина Сафара Росхозяева отправил и как оною грамотою мне повелено к каракалпацким владельцам с ним писал. А по прибытии ево на Уфу об отправлении против прежних таких же посланных послан указ в тое Уфинскую провинцию к полковнику и воеводе князю Шаховскому и писано во оном, чтоб он по отправлении ево татарина проводывал на Уфе тайно всячески и чрез шпионов, что у них каракалпаков по приезде ево будет чинитца и к стороне Российской склонность какая от них иметца и, ежели какие ведомости иметь будет, то бы он о том писал ко мне во всякой скорости и какое известие от него воеводы, также и от объявленных татар Максюты и Сафара против посланного к каракалпацким владельцам листа получу, и к Российской стороне их каракалпацкую склонность усмотря, по вышеозначенному указу купя подарков на деньги по присланному векселю на сто рублей¹, отправлю к ним каракалпаком с нарочным немедленно и в государственную иностранных дел коллегию репортовать и о всем по оной грамоте исполнять и старание в том иметь буду; токмо чтоб каракалпаки в отдаче российских пленных и во всем, как чрез письмо объявляют, исполнили надеется невозможно и, признавая, что оные только чинят под одним видом и выманивая подарков и еще из России к себе людей в плен и ко учинению тем посланным вреда, как и с преждеотправленным означенным прапорщиком учинили, ис чего признать можно, что и оной отправленной татарин Сафар Росхозяев требовал с собою посылки на объявленные деньги подарков или оных денег да для провожания из ясашных татар десяти человек и чрез поданное доношение объявил, якобы о том сказано было ему, что велено дать в иностранной коллегии и затем жил более дву недель и не ехал, а как к езде с немалым принуждением от меня и склонен, то сказал, что ему в дороге пропитать себя нечем, понеже данные ему деньги пятьдесят рублей будто все издержал, и не смея я во оном ево отправлении учинить остановки, а в показанном деле от того не произошло б помешательства и не причлось бы того ко мне, выдал ему на оное в дороге пропитание десять рублей и потом, как выше объявлено, он отправлен и для охранения ево в пути послал с ним до Уфы дву человек салдат, и ему и под посланных с ним салдат даны три подводы и дано ис казанской рентерей прогонных денег дватцать один рубль.

А о строении городка в степи между башкирцами и Яиком на реке Сакмаре пришлыми людьми и по какому указу и давно ль стали строить, о проводывании писал я на Яик и послал нарочно ундер-афицера к полковнику Захарову, которой тамо имеетца у розыскных дел, а в небытность ево к войсковому атаману, чтоб они с Яику на ту реку Сакмару послали от себя кого пристойно и тот городок осмотрели, а осмотря, писали в Казань немедленно, понеже по присланным с Яику ведомостям, оная река Сакмара граничит близь реки Яику и Казачья городка, которой на Яике, и яицкие казаки на ту реку Сакмару ездят,

¹ Речь идет о сумме, предназначенной на покупку сукна для раздачи влиятельным членам каракалпакской верхушки с целью их подкупа.

а от Казани о той реке знаемых людей нет, а посылать ис Казани для осмотра оного городка нарочных людей от набегов неприятельских каракалпак и киргиз небезопасно, чтоб оные посланные напрасно не пропали. А как о том ведомость о них получю в государственную коллегию иностранных дел репортовать буду ж.

Донесение казанского губернатора А. Саптыкова в коллегию иностранных дел, 27 сентября 1725 г.¹

В нынешнем 1725 году, августа 10 дня, посланным в государственную коллегию иностранных дел ис Казанской губернии, против присланной грамоты из оной коллегии об отправлении в каракалпаки к татарину Максюту Уфинского уезда татарина ж Сафара Росхозяева и о проводывании о строения городка в степи между башкирцами и Яиком на реке Сакмаре пришлыми людьми и по какому указу и давно ль стали строить, доношением писано, в котором объявлено, что для того уведомления послан нарочной унтер-афицер и писано с ним на Яик к полковнику Захарову, которой тамо имелся у розыскных дел, а в побытность ево к войсковому атаману, чтоб они с Яику на ту реку послали от себя кого пристойно и тот городок осмотрели; тако ж на Яике киргизец Аркель, которого по той же грамоте велено отпустить с тем татаринном, в плену имеетца ль, а буде нет, куды послан и какая о том с Яику ведомость получена будет, в государственную коллегию иностранных дел писано будет немедленно. А сего сентября 15 дня означенной посланной ис Казани унтер-афицер с Яику возвратился и подал от оных яицких казаков отписку, в которой написано, что де по указу ея императорского величества, присланному ис Казанской губернской канцелярии для проводывания оного городка они казаки от себя посылали и возвратясь те посланные сказали: ба помянутой де реке Сакмаре строят городок пришлые из Сибирской губернии из разных городов люди самовольно без указа, а в переписных де книгах нигде они не написаны и в тех де городах, ис которых они вышли, их не держат, а строят де они тот городок на шляхах неприятельских людей каракалпаков и киргиз-казаков, по которым де шляхам те каракалпаки к российским городам приходят, а означенного де киргисца Аркеля на Яике у них не сыскано и не имеетца.

Резолюция сената, 8 ноября 1725 г.²

По указу ея императорского величества правительствующий сенат, слушав доношения иностранной коллегии о строящемся вновь в степи городке меж Яика и башкирцами на реке Сакмаре, приказали казанскому губернатору послать на Яик кого из офицеров или из дворян доброго человека, которому на Яике, взяв пристойной комвой казаков, ехать с ними к означенному городку, и, приехав, того городка жителем объявить, что он прислан к ним по указу ея императорского величества для осмотра того их поселения и места, где оной городок они строят, и чтоб они впредь до указа ея императорского величества жили в том месте, и всех их переписать, из которых они уездов сходцы и каких чинов или чьи люди и крестьяне, и сколько их всех в том месте поселилось и давно ль на то место они пришли; при том же тому посланному описать положение того места и какую крепостию тот городок утвержден и есть ли при нем лес, пашня и другие угодьи, и в каком разстоянии тот городок, как от Яика, так и от Российских

¹ МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

² МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

городов и уездов, также и от каракалпаков и киргиз-казаков, и подлинно ль строитца на тех дорогах, которыми под российские города те народы приходят, как о том преждепосланным казакам от жителей объявлено, также река Сакмара в которые реки впадает, и тому всему, учиня чертеж, и с вышепомянутым известием прислать того посланного в сенат немедленно, а буде паче чаяния, того городка жители учинятца противны и в городок не пустят и переписывать себя и никакого известия, как о том писано выше сего, не дадут, и тому посланному как возможно, доведыватца о том о всем чрез яицких казаков, и в каком числе они обретаются и какое ружье у себя имеют и откуда пропитание получают и не имеют ли с тамошними противными народы согласия, а к Российской стороне противности, и, разведав о всем о том подлинно, возвратитца тому посланному в Казань, а ис Казани с тем известием прислать ево в сенат немедленно, и о том в Казанскую губернию, а о посылке на Яик о даче конвою грамоты в военную коллегию послать указы.

(Продолжение следует)

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

XV 496
34

820-86
358-X

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ)

1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

К истории каракалпаков XVIII в.

(Окончание)¹

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел,
23 мая 1743 г.²

Прошлого 1742 года сентября от 27 числа о бывших у меня в Орску каракалпацких посланцах, которые о бытии в подданстве ея императорского величества именем своего народа присягали, покорнейше доносил и с какою инструкциею отправил к ним порутчика Гладышева, чтоб тамошней народ, от которого означенные посланцы приезжали, в верность ея императорскому величеству, по указу ея императорского величества, из Государственной коллегии иностранных дел присланному, к присяге привести, со оной инструкции к высокому правительствующего Сената рассмотрению приложил тогда копию.

Минувшего ж апреля 24 числа означенной порутчик Гладышев в Новой Оренбург возвратился благополучно, и с ним от каракалпацкого Каип-хана и брата ево Абейдуллы салтана прислано посланцов 8 человек, да 2 ис той орды высвобожденные пленники: один русский, а другой мещеряк. В Оренбурге приняты оные посланцы обретающимся тамо генералом-майором фон-Штокманом и имеющиеся у них письма помянутых хана и салтана и знатнейшаго в их орде Мурат-Шиха (то есть их главного духовного) с детьми и старшинами, да особое от знатного ж тамошняго старшины Девлетъ-Бая ему генералу-майору подали, между которыми одно на высочайшее ея императорского величества имя, а прочие ко мне. Оныя письма и при них из вышеозначенных посланцов двое, а именно Мамон Батырь, да Пулат есаул (о которых в присланном ко мне письме особливо упомянуто, чтоб их ко двору ея императорского величества отправить), при доношении от помянутого генерал-майора, и с прибывшим с ними порутчиком Гладышевым ко мне присланы; прочие ж до резолюции от меня оставлены им при Оренбурге и содержатся в надлежащем довольстве. А каков оной порутчик Гладышев, будучи в каракалпаках, имел журнал, оной и вышеозначенные письма, также и учиненные от каракалпак присяги при том ево генерал-майора доношении приобщены, ис которых писанное на имя ея императорского величества, также и учиненные присяжные листы подлинны с переводами и тем присягавшим с реэстром, а с присланных на имя мое писем же переводы, а с журналу копию в Государственную коллегию иностранных дел к рассмотрению при сем моем покорнейшем доношении прилагаю. И хотя мне не невозможно было означенных посланцов с надлежащим ответом возвратить от себя и понеже оной каракалпацкой хан, салтаны и старшины в письмах своих к верности ея императорского величества довольно себя подтверждают, и прибывшей порутчик Гладышев доносил, что они ево приняли с радостию и содержали у себя со всяким удовольствием; из них де прибывшие посланцы как у генерал-майора фон-Штокмана, так и у меня при подаче писем объявляли, что их каракалпацкой народ назад тому з 260 лет от Российской империи отстал и называли себя природными подданными,

¹ См. «Красный архив» т. 6 (91), 1938 г. сс. 225—254.

² МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

ибо, как то прибывшей с ними порутчик Гладышев о них объявлял, что они изстари живали между Астрахани и Казани, а потом на Бухарскую сторону к Аральскому морю отошли в раззорение оных царств, и всех в их орде имеющихя российских пленников собрать и освободить и аманатов давать обещаются они ж, яко промышленные и торговые люди и к разпространению оренбургских торгов полезны. Того ради, к пользе высочайших ея императорского величества интересов, разсудил из оных прибывших посланцов, помянутых Мамон Батыря и Пулата есаула, при доношении моем в Государственную коллегию иностранных дел с вышеозначенным прибывшим с ними порутчиком Гладышевым отправить.

Но понеже порутчик Гладышев объявил, что между теми прибывшими посланцами первым отправлен вышепомянутого знатного Мурат-Шиха Ходжи сын Адбулла-Ших, а по нем второй означенной Мамон-Батырь, того ради писал к реченному генерал-майору, дабы и одного Абдулл-Шиха, склоня с предписанными двумя посланцами, или вместо ево оставя означенного есаула Пулата, с ним Гладышевым отправил, в том разсуждении, что когда такого знатного человека сын под предлогом посланства здесь останется, то к содержанию оного народа в непоколебимой верности вместо аманата служить может, а другого того же Мурат-Шиха Ходжи сына, между теми ж посланцами присланного, якоже и всех оных, ежели пожелают с ответным листом, удовольствовав их на дорогу милостию ея императорского величества, определил возвратно отпустить, уведомля, что остальные посланцы ко двору ея императорского величества отправлены, и обнадежа высочайшею ея императорского величества милостию, с представлением, чтоб они, будучи ея императорского величества подданными, всевозможное и скорое старание приложили, чтоб всех находящихся у них российских пленников (коих в их орде, по показанию Гладышева в журнале, будет с три тысячи человек), собрав, во знак первой своей верности, в Россию отправили, за что пожалованы будут особливою и многою ея императорского величества милостию и с караванами своими в Оренбург без всякого б опасения ездили и с тем велел послать одного обыкновенного к таким делам обер или унтер-афицера и толмача, дав ему о всем том надлежащую инструкцию, а, будет они похотят дожидаться меня, что б и сходнее, то велел удержать их до себя.

Что принадлежит до предозначенных посланцов, отправленных с листом каракалпацкого хана, и протчих ко двору ея императорского величества, то я об оных как правительствующему сенату доносил, так и Государственной коллегии доношу, что для вступления того народа в подданство ея императорского величества вновь, по моему слабейшему мнению и по надобности того народа, не соизволено ль будет оных посланцов в таком удовольствии содержать, как прежде присланные ко двору ея императорского величества от киргис-кайсацких Абулгаир и от Абул-Маметь ханов посланцы содержаны; также и сие по здешнему состоянию немало нужно, чтоб оные посланцы, как возможно скорая, в отечество свое отпущены были, и весь тот народ от ея императорского величества всемирнейшею грамотою обнадежить, что оной под протекцию и в число подданных ея императорского величества принят и в высочайшей ея императорского величества милости по их службам и верности содержан быть имеет, а при том объявить и сие, чтоб они, в заслужение той оказанной к ним ея императорского величества высочайшей милости, первую свою службу показали и имеющихя у них в полону российских людей, какого б звания и веры ни были, собрав, возвратили, а в протчих делах и о удовольствии их жалованьем ея императорского величества, когда верность

свою и службу отдачею тех пленных засвидетельствуют, сослаться на меня, снабдя указом ея императорского величества, каким образом долженствую я с ними поступить, когда означенная отдача действительно от них воспоследует; что же они упоминают о разбитом янц-кими казаками караване их, на то, по справке в Государственной военной коллегии, можно ответ учинить, ибо оные казаки, разбивши тот караван, обо всем том деле доносили во оную коллегию и объявленного в приложенном при сем Девлеть-Бая Батыря письме, бывшего в том караване старшину, а ево Девлеть-Баева дядю родного, во оную коллегию отвезли, — мне слабейше мнится, со оными посланцами и з грамотою, когда оная всемилостивейше будет определена, отправить предупомянутого порутчика Гладышева (о коем в присланных письмах прошено) или другого афицера, чтоб он, будучи тамо, на обращении того народа смотрел, и их в совершенной и непоколебимой верности пребывать утвердил, особливо же затем, дабы зюнгорской владелец и сей новоподданной ея императорского величества народ, подобно, как и киргис-кайсаков, от верности не поколебал, ибо в журнале Гладышева показано, что смежной с сими подданными каракалпацкой верхней народ в подданство свое привлек, и Салтан Мурат хан того народа оному владельцу сына своего в аманаты отдал и старается де он Салтан Мурат, чтоб и сих нижних каракалпак, ея императорского величества подданных, в подданство того ж владельца привлечь; при оном же посланном и в отискании пленных и в отправлении их в Россию лучшей успех воспоследовать может.

Хотя указом ея императорского величества, присланным ко мне из Государственной коллегии иностранных дел от 22 числа июля прошлого 1742 году, и повелено о киргис-кайсацких обращениях доносить куда по указом надлежит, а во оную коллегию о том, яко до оной не принадлежащем, не писать, но как по прежним, так и особливо присланным ко мне ныне из правительствующего сената от 4 числа прошедшего марта ея ж императорского величества указом, на доношении мои по таковым же делам состоявшиеся о всем том, что до помянутых киргис-кайсацких дел касается, наиболее подтверждено, как в правительствующий сенат, так и в Государственную коллегию иностранных дел доносить, и со учиненной мною протокольной записки, что в прошлом 1742 году при свидании моем с киргис-кайсацким ханом, салтанами и старшинами происходило, из оного правительствующего сената в ту коллегию копия сообщена и потребным наставлением снабдить меня велено, — чему следуя, должным себя нахожу оной Государственной коллегии и сие донести, что от Абулгаир-хана киргис-кайсацкой Меньшой орды с предупомянутым порутчиком Гладышевым три письма получил, в том числе одно на высочайшее ея императорского величества имя, которое и с ево ханских писем, на мое имя писанных, переводы и копии з двух доношений и з журнала, обретающегося при нем хане прапорщика Муравина, о киргис-кайсацких обращениях при сем же моем покорнейшем доношении прилагаю, что також де и в правительствующий сенат при доношении сообщил.

Государственная коллегия иностранных дел из оных писем, также и из доношений, особливо же из журнала помянутого прапорщика, довольно усмотреть изволит, в каком неудовольствии бывает оной хан за то, что по ево воли обретающейся ныне во образ аманата сын ево Куз-Ахметь другим ево сыном Чингизом малолетним и не от прямой жены рожденным не переимен и за то, хотя я при свидании со мною чинил ему довольное почтение и угощение и милостию ея императорского величества против прежних годов не меньше награжден¹ однако

¹ Так в подлиннике.

изъявляет затаенно многое неудовольствие, яко де и о порутчике Гладышеве, вопреки каракалпацких писем, объявляет, и я по моей всеподданнейшей рабской должности еще от 27 сентября 1740 при изъяснении ево ханского и киргис-кайсацкого народного состояния Государственной коллегии иностранных дел и покорнейше доносил, что к воздержанию не только одного хана, но и всего подвластного ему народа, от всех быть от него могущих своевольностей по его коварствам другого так надежного способа нет, как содержание в аманатах детей ево, ныне имеющемуся единоутробных, ибо ежели вместо одного принять помянутого незаконного, то по всем усмотрениям не только старшие и законные ево дети, а именно Нурали и Эрали и предупомянутой Куз-Ахметь, которые у народа в немалом почтении и силе и при первых двух улусов более нежелъ при самом их отце находятся, ничем уже обязаны не будут, ибо к тому Чингизу натуральной братерской любви не имеют, но и сам оной хан чрез него в таком обязательстве, как ныне, не будет.

Еще ж известии были, что он хан и требует сего в тот токмо вид, чтоб Куз-Ахметь салтана выманить и к своевольностям своим всякую свободу иметь, того ради, по силе присланного ко мне ея императорского величества указа ис правительствующего сената от 4 марта сего 1743 и по указом, данным преждебывшим здесь командиром, которыми имянно повелено, чтоб такие перемены чинить детми ево с первыми единоутробными, то-есть от прямой ево ханши рожденными, на вышеписанные от него хана письма в ответ ныне ему сообщу, что при дворе ея императорского величества ни о какой другой ево ханше неизвестно, как токмо о той, от которой бывшие у двора ея императорского величества дети ево Эрали и Куз-Ахметь салтаны рождены, и одна она в особливой консидерации содержится, как то и указом блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, данным покойному генералу-лейтенанту князю Урусову повелено, что ежели она ко двору ея императорского величества пожелает, то ее и с сыном отправить, и затем объявлю, что в разсуждении оных обстоятельств и ево чести присланным ко мне ея императорского величества указом повелено, чтоб означенного Куз-Ахметь салтана переменить другим родным ево братом от настоящей ево ханши рожденным; буде же он похочет, чтоб и упомянутого Чингиза для обучения принять, (как то он и просил), то и оное исполнено быть может, а в службе ея императорское величество соизволяет тех токмо детей иметь, которые от настоящей ево ханши рождены и ево наследными быть имеют, оная ж ханша ея императорского величества в особливой консидерации и милости содержится, и другие пристойные резоны напишу, а у него сверх помянутых возрастных детей Эрали, Нурали и Куз-Ахметя еще двое меньшие есть, от той же настоящей ханши рожденные, а именно: Акчювашь да Идиль, которые у него и у ханши в немалом люблении, при том же представляю ему хану и о приезде ево к свиданию со мною в Оренбург, ибо при нынешних обстоятельствах с ним ханом и Средней орды с Абул-Маметь ханом же, и з Барак-салтаном и с отпущенным ис полону Зюнгорского (ежелъ то правда) Аблаем-салтаном для пользы высочайших ея императорского величества интересов и ко утверждению оных владельцев и всего киргис-кайсацкого народа в непоколебимой верности и подданстве ея императорскому величеству видеть весьма потребно, ежели они того не отрекутся.

В протчем ис тех киргис-кайсацких орд ни о каких других противностях сея весны не слышно, но все видится спокойно и генерал-майор фон-Штокман репортует, что Эрали салтан, сын Абулгаир хана, которой, по прошению ево, впущен был с улусами на сю сторону

Ялика зимовать до весны, при начале оной на ту сторону Ялика спокойно перешел; одна токмо противность недавно произошла близь Илецкого городка, что отделясь от улусов, воровских кайсаков, человек около двадцати, напали на бывших у рубки лесу илецких казаков и, отбив шесть лошадей и багаж, убежали, о которых ворах реченной генерал-майор ко владельцем писал, требуя сатисфакции, но посланные при отправлении того ево репорта еще не возвратились; что же в том учинено будет, об оном, яко же и о прочих киргис-кайсацких состояниях, Государственной коллегии иностранных дел впредь покорнейше доносить не премину.

Иван Неплюев.

Из лагеря от устья речки Увелки.

Перевод с татарского письма, присланного от каракалпацкого нижнего народа, полученного тайным советником и кавалером Неплюевым чрез посланцов их, приехавших с порутчиком Гладышевым, мая 14 числа в лагире при устье реки Уя.¹

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, Вашему императорскому величеству по всеподданнической присяжной должности доносим, что мы нижней каракалпацкой народ четыре сана, то есть сорок тысяч, со всею морскою волостию в подданство пришли и присланных Дмитрея Гладышева да Мансура Делного в том не ослушались и поверили. При чем просим, дабы между нами посланцы посылались, а во первых бы для уверения оного ж Дмитрея Гладышева да Мансура Дельнова прислать, по которому могут купцы с караванами наши к вам, а ваши к нам приезжать; мы же ныне которые вам приятели, тех к себе приятелями, а кои неприятели, тех по тому же неприятелями почитаем, и в знак нашей верности находящихся у нас российских пленников к вам отослали, а вас просим наших посланцов немедленно возвратить.

Когда приезжал к нам мурза Тевкелев, то хотя мы и тогда вашему императорскому величеству в подданство приклонились и триста дворов ваших подданных башкирцов с ним выкупили, сверх же того триста человек купцов своих послали, которых тогда яицкие казаки убили всех, что вашему императорскому величеству небезизвестно есть, но после того как купцами, так и послами никто не ездил, а ныне с Дмитрием Гладышевым Мамона-Батыря и Пулата есаула к вашему императорскому величеству отправили. Ежели нас почтить соизволите, то просим Дмитрея Гладышева к нам с теми нашими показанными Мамон-Батырем и Пулат есаулом, не задерживая (а имянно) октября месяца, прислать. Понеже между нами в середине находятся киргис-кайсаки, хотя нас мурза Тевкелев, в бытность свою, обнадеживал, что ежели от них киргис-кайсаков каракалпаком или от каракалпаков им кайсакам чиниться будут обиды, то от всемилостивейшей государыни в защищение российское войско посылаться может, но после того киргис-кайсаки нас каракалпаков, четыре раза приезжая, разоряли, и затем вашему императорскому величеству служить не допущены. Ныне же как по высочайшей императорской своей милости к нам с повелением прислать соизволили, то мы со всем своим почтением оное исполнили, и для того просим, дабы киргис-кайсаки в непропуске ими посланцов и караванов усмирены были. Как соизволите Дмитрея Гладышева и толмача Мансура с посланными нашими посланцами без замедления возвратить, то мы и настоящего посла и три тысячи куп-

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

цов и находящихся у нас российских полоненников ко двору вашего императорского величества, ежели бог соблагovolит, прислать обещались, и в том присягою утвердились, ибо, хотя мурза Тевкелев в киргис-кайсацкую орду к Абулхаир-хану приезжал со мною казною, чрез что киргис-кайсацких биев и протчей нечувственной их народ в подданство производил, а к нам ныне Дмитрея Гладышева без всякого награждения прислали, но мы и бес того, по повелению вашего императорского величества, 40 000 человек рабски в подданство пришли, и как выше показали, имеющих у нас российских полоненников отдать обещались и в том присягою утвердились, а ежели с таким же почтением наших ханов салтанов и знатных людей ко двору вашего императорского величества востребовать соизволите, то мы и к тому со всею нашей готовностью ради, ибо присягали.

Також де просим, чтобы Дмитрей Гладышев и толмач Мансур, как мурза Тевкелев, награждением были не оставлены, а более все в воли вашей императорской состоит. Мамон-Батыря, да Маман-Шиха Сагындука Батыря, Пулата есаула, Ших-Ясаула к двору вашего императорского величества при сем отправили, и в том для уверения чернильные свои печати приложили, первая Каипханова, вторая Мурат-Шиха, третья Губейдула салтана. На том письме на стороне прописано.

Переводил переводчик Ямагул Гулеев.

**Перевод татарского письма нижних каракалпацких ханов
И. Неплюеву, апрель 1743 г.¹**

Присланной от вашего превосходительства поруччик Дмитрей Гладышев, и при нем толмач Мансур Дельной к нам прибыли, за что мы весьма обрадовались, и всемилостивейшей государыне 40 000 дворов каракалпаки пришли в подданство, в чем и присягу учинили и в той подданнической нашей должности содержать себя имеем, а с недругом в недружестве противится должны, и кои же у нас имеются российские пленники, оных по нашей верноподданнической должности выслать в Россию должны, ежели же наших ханов и хаджеев и биев изволите содержать в милости, как и Абулхаир-хана с киргис-кайсаками, наших всех каракалпаков, то мы весьма довольны, а между нами посланцов и купцов ездить в Россию киргис-казаки не допускают, просим оных дураков унять, да при том же доносим, что после приезде к нам полковника Тевкелева, посланных от нас купцов в Россию триста человек с товарами яицкие казаки розбили, и за то более не ездили. А ныне мы с вышепоказанным, присланным от вашего превосходительства поручником Гладышевым, послали к вашему превосходительству, для отправления к ея императорскому величеству посланцев, наших каракалпацких Мамон-Батыря, Пулат есаула. Да еще ж вашего превосходительства просим вышепоказанного толмача Дельного с посланным от нас к вашему превосходительству каракалпаками прислать к нам обратно сего 743 года майя в последних числах, дабы они в тех числах к нам явиться могли, а при том и мы обязуемся к вашему превосходительству паки своих посланцов прислать. А понеже вышеупомянутой полковник Тевкелев, когда приезжал в киргис-кайсацкую орду для приведения к присяге Абулхаир-хака и киргис-кайсаков со многими подарками, почему де они и пришли в подданство, а к нам предреченной поруччик Гладышев приехал хотя без всего, но мы, ревнуя ея императорскому величеству, по чистой нашей совести в подданство ея императорского величества, так как верноподданным рабом подлежит, пришли, и присягою в том

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

утвердили, в чем и содержать себя должны; токмо мы просим нас содержать в таковой милости, как содержатца Булхаир-хан с киргискаками, а мы ея императорскому величеству, как верноподданным подлежит, душевно и телесно кроткую службу продолжать готовы, как нам всемогущий бог да подаст. А если мы или из наших каракалпаков кто тое присягу нарушит, то должны мы все пред всемогущим богом ответ дать. А если не от нас та присяга нарушена будет, то уже тех будет судить бог и кто в том явится противен, то вручаем ему ж всемогущему богу. А понеже полковник Тевкелев в таковых же мерах службу свою продолжал, за что мы чаем он и не оставлен, но и помянутых порутчика Гладышева и толмача Мансура Дельного, как вам известно, службы происходило немало, за что и они от вашего превосходительства оставлены быть не могут, а мы вышеписанных Гладышева с товарищи приняли и в почтении содержали и по всем вашего превосходительства правлениям неотменно исполняли и при сем вашему превосходительству поклон посылаем. При сем же посланы от нас Абдулла-Ших, Мамон-Батырь, Ших Санших, Баба Назар Батырь, Маман Ших, Багундук Батырь, Цулат Есаул, Аидерег Бек.

Во уверение сего на подлинном татарском письме приложены чернильные печати Каип-хана, Мурат-Шиха Абейдуллы Салтана, 1743 года, февраля 19 дня.

На том же письме на обороте писано тако: при сем вашего превосходительства просим прислать с помянутым толмачем наших каракалпаков: Абдула-Шиха, Шарсын-Шиха, Баба Назар Батыря к нам обратно от вашего превосходительства.

Переводил переводчик князь Николай Максютов

Перевод с присланного из Нижней каракалпацкой орды от старшины Девлет-Бай Батыря татарского письма, в котором по переводе значит.

Его превосходительству господину тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву.

Присланной от вашего превосходительства порутчик Гладышев с указом ея императорского величества прибыл к нам благополучно, по силе ж оного ея императорского величества указа, и мы все катаяского роду к ея императорскому величеству пришли в подданство, так как верным рабом подлежит, и с приятелем поступать приятельски должны, а с неприятелем неприятельски поступать не отменим, и, если какия ея императорского величества ко исполнению указы к нам присылатца будут, по оным надлежащее исполнение рабски чинить не преминем. Вышереченной порутчик Гладышев с товарищи у нас зимовал и ныне отправлен от нас благополучно к вашему превосходительству обратно; при сем же просим, чтоб из России и от нас купцы ездили непрерывно, мы ж по нашей верноподданической должности ко услугам готовы.

Сие письмо по повелению Нижней каракалпацкой орды катаяского роду старшины Девлет-Бая, Батыря Маилчибей Биева сына, я, Ишнияз Ахун, писал, во уверение сего Девлет-Бай Батырь тамгу свою приложил такову.

На том же письме писано тако.

При сем же вашего превосходительства прошу. В тот год, когда был полковник Тевкелев к Абулхаир-хану посланцем ездили наши каракалпаки сто человек для купчества в нижние калмыки с великим богатством, то Яицкого городка казаки тех наших людей побили всех и товаров множество взяли, в том числе моего дядю родного, не убив, взяли жива языком Палванбая и отослали ко двору ея императорского величества и, ежели оной мой дядя жив, прошу его к нам

возвратить, а ежели ж умер, то меня уведомить, а понеже я здесь имею нужду в печати того ради вашего превосходительства прошу пожаловать, зделав, прислать ко мне Хорошинскую печать.

Переводил переводчик князь Николай Максютов.

Показания Д. Гладышева в канцелярии Оренбургской комиссии.¹

Прибывший в Оренбург от Каракалпацкой нижней орды Оренбургского драгунского полку поручик Дмитрий Гладышев в канцелярии Оренбургской комиссии о усмотренном им в той орде секретно объявил.

Как он из Орска из походной канцелярии в Оренбургской комиссии по инструкции в Каракалпацкую нижнюю орду прошлаго 742 года сентября 3 числа отправился, обще с бывшими в Орской крепости каракалпацкими посланцами Мамыром Уразаковым да Кошаном, чей сын запаметовал, с бывшим же в Орску киргис-кайсацким Абулхаир-ханом и при том старщинами ево и киргис-кайсаками, ехал он Гладышев от Орска за Яик, степью четыре дни (то есть сентября по 8 число), а сентября 9 числа помянутой Абулхаир-хан отдал ево Гладышева и, с реченными каракалпацкими посланниками Мамыром с товарищем на руки владения своего киргис-кайсацкой орды старшине Карабая Батырю (кой во время бытия в киргис-кайсацкой орде переводчику Тевкелеву, что ныне брегадиром, служил во всякой верности), чтоб оной Карабай Батырь проводил ево Гладышева с товарищи до помянутых нижних каракалпаков. Токмо при том отпуску ево Гладышева упомянутой Абулхаир хан, взяв к себе в кибитку посланного с ним Гладышевым каракалпацкого посланца Мамыра с товарищем, и нечто имели тайной разговор, но потом он Гладышев с имевшимся при нем толмачем Мансуром Дельным и с реченными каракалпацкими посланцы поехали обще с помянутым Карабаем Батырем и с имеющимися при нем киргис-кайсаками тремя человеки, с которым Карабаем Батырем ехал он Гладышев степью девять дней, а на десятой день (то-есть сентября по 18 число), приехали в кочевье помянутого Карабая Батыря на реку Эмбу, и у оного Карабая Батыря жил он Гладышев тринадцать дней и во оное житье пищею ево Гладышева и бывших при нем каракалпацких послов довольствовал оной Карабай Батырь от себя неоскудно.

2 числа октября оной Карабай дал ему Гладышеву брата своего родного Баимбетя Батыря, да племянника своего родного Басурмана (кой ныне приехал с ним Гладышевым) да родственников своих не киргис-кайсаков Мунку Бия, да и Баша, чьи дети не знает, и велел ево Гладышева и бывших при нем каракалпацких послов проводить до Каракалпацкой нижней орды, с которым ехал он Гладышев до нижних каракалпаков степью осмнадцать дней, и приехали во оные каракалпаки октября 19 числа (кой в то число имели кочевье за Сыр-Дарьею в городе Янгенте), где имеется пустая каменная палата с подмаскою ценинною, отчего он Гладышев привез малинкой обломачек кирпича и объявляет при сем. По приезде ево Гладышева в предписанные каракалпаки на другой день (то-есть октября 20 числа) призывали ево Гладышева на збор, на котором были каракалпацкой Убейдулла салтан (на коего имя грамота с ним Гладышевым подписана была), да Мурат-Ших Хозей, да Каип-хана брат Абдулла салтан и протчие каракалпацкие старшины, батырии и бии, и по призыве ево Гладышева на тот збор, посланную с ним Гладышевым грамоту и на татарском письме привилегию подал он Гладышев предписанным Убейдулле салтану и Мураф-Шиху. И оные Убейдулла салтана и Му-

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1. 1743 г. Дата отсутствует.

рат-Ших Хозе приказали ему Гладышеву реченную грамоту и привилегии подать Каип-ханову брату Абдулле салтану, кой, распечатав тое грамоту, велел читать всем вслух бывшему при нем Гладышеву толмачу Мансуру Делькому, которой распечатав и прочел. По прочтении вышеписанной грамоты реченные Убейдулла салтан и прочие владельцы и их старшины ничего ему Гладышеву не сказали, токмо при том говорил ему Гладышеву катаяского рода старшина Девлет Бай Батырь, что де он Гладышев ныне от них ехать хочет или нет, на что он Гладышев объявил, что вскоре ему ехать невозможно, понеже имеющиеся у него Гладышева лошади весьма худы, при чем прочие каракалпацкие старшины говорили, что ныне ево Гладышева удержат у себя зимовать, а весною отправят его Гладышева, и с ним своих каракалпацких посланцов, так же и купцов. И по тому удержанию он Гладышев и с имеющимся при нем толмачем и школьником¹ жил марта по 3 число нынешнего 743 года. Во время близь помянутого города Янгента кочеванья усмотрил он Гладышев, что каракалпаки, собирают круг того города селитру и делают про себя порох, которой селитры, взяв он Гладышев тайным образом с один фунт, привез с собою и объявляет при сем. А вышеписанные посланные с ним Гладышевым от предписанного киргис-кайсака. Карабая Батыря провожатые Баимбет Батырь с товарищи, проводя их до реченных нижних каракалпак, благополучно возвратились в жилища свои по прежнему октября 29 числа.

27 числа октября вышеписанные каракалпацкие владельцы Убейдулла салтан и Мурат-Ших Хозей з детми своими и с подданными их старшинами конратского роду Девлет Бай Батырь с родственники ж своими, собрався в одно место, о бытии в подданстве ея императорскому величеству при нем Гладышеве присягу учинили и на посланных с ним Гладышевым на татарском письме присягах печати свои приложили (кои он Гладышев при сем объявляет в канцелярию Оренбургской комиссии) и по учинении той присяги о многолетнем здравии ея императорского величества по своему закону молитву читали при означенных киргисцах Баимбете с товарищи.

20 октября уведомился он Гладышев от многих каракалпаков, что отправленной с ним из Орска каракалпацкой посланец Мамыр Уразов, приехав в те свои каракалпаки, разгласил всему каракалпацкому народу: когда де они, будучи в степи, (то есть сентября 9) разставались с Абулхаир ханом, приказывал оной Абулхаир хан реченному каракалпацкому послу Мамыру Уразову ево Гладышева и бывших при нем всех ограбить, только живых пустить и будто ж означенной Абулхаир хан сказывал оному посланцу Мамыру Уразову, якобы с ним Гладышевым послано на подарки каракалпацким владельцем казенных товаров на двести кабыл, да будто и ему Мамыру на пятьдесят кобыл.

Во время бытия ево Гладышева в предписанных каракалпаках вышеписанной бывшей посланец Мамыр Уразов, збирався с родственники своими, неоднократно намеривался ево Гладышева убить и, напав на него, Гладышева, ограбил, а грабежом взял имеющейся у него Гладышева для своего пропитания две тысячи пятьсот марьяну, да одну казенную лошадь, и при том грабеже оной Мамыр говорил, якобы велел ево Гладышева грабить предписанной киргис-кайсацкой Абулхаир хан; тако ж и после на него Гладышева ко убивству неоднократно оной Мамыр нападал же, токмо до того убивства не допустили часто упоминаемые Убейдулла салтан и Мурат-Ших Хозей з детми.

¹ Это был один из школьников при Оренбургской комиссии — Дмитрий Иванов Казанцев, который «будучи в той школе (при Оренбургской комиссии) грамоте и письму, також отчасти и по татарски говорить обучился» (То же дело).

31 октября уведомился он, Гладышев, чрез некоторых каракалпаков, якобы некоторые каракалпацкие старшины разглашают: ежели де киргисцы нынешнюю зиму с ними иметь будут войну, то де они каракалпаки русских послов побьют до смерти или продадут.

20 ноября пришедший к нему, Гладышеву, к кибитку каракалпаченин Чюман-Ших между прочих в разговорах объявил, что де их каракалпацкой народ дикой, а ея императорского величества никакой милости не видали, а ежели от ея императорского величества милость увидят, то де они будут кочевать все вблизи к Российским жилищам з женами и з детьми, ежели де не будет помешательства от киргискайсаков.

4 декабря между прочих разговоров объявил ему, Гладышеву, каракалпаченин Калветь-Ших: ежели де прикажет ему ея императорское величество привести к российскому подданству Бухары и Ташкент и Хиву, то де оные города в подданство приведет.

6 числа декабря между прочих разговорах объявил ему, Гладышеву, часто упоминаемой Убейдулла салтан, что де у них в нижних каракалпаках имеется русских пленников с три тысячи человек.

9 декабря объявил ему, Гладышеву, вышеписанной же каракалпаченин Чюман-Ших, что де они каракалпаки, кроме вышнего бога, никого не боятся, а в подданство де ея императорскому величеству пошли они не для какой боязни, но для торгу.

11 декабря приезжал к нему, Гладышеву, каракалпаченин Урускул салтан, которой ныне имеется ханом в каракалпацком-копратском роду, и, вынез нож, хотел ево, Гладышева, зарезать и при том говорил: как де он Гладышев дарил Каип-хана и Убейдулла салтана (коих он Гладышев ничем не даривал) и ево б Урускула салтана так же подарить, он же не меньше вышеписанных Каип-хана и Убейдуллы салтана, а ежели он Гладышев ево не подарит, то хотел зарезать; однако ж по сколким его, Гладышева, пристойным разговорам вышеписанной Урускул хан к лутчему способу склонился и после того спустя дней з десять дал он Гладышеву оному Урускулу хану в презент из своего багажу двести марьянов, то оной Урускул хан пришел в подданство российское и ея императорскому величеству присягу учинили и печатью утвердил (коя значит во объявленных от него Гладышева между прочих присяг), и при том ему Гладышеву объявил: несколько де он Урускул хан башкирцов разбил, тако ж и русских семь деревень раззорил, а ныне де он пошел в подданство ея императорскому величеству и никаких шалостей чинить не будет для того, что де они ея императорского величества природные холопи.

3 февраля вышеупоминаемой Убейдулла салтан объявил ему, Гладышеву, что де недавно прислал из верхних каракалпак их нижних каракалпаков к Мурат-Ших Хозе беглой из Уфинского уезду ис татар новокрещен Осип Федоров (который назвался Салтан-Мурат хан и по приятию в верхних каракалпаках имеет ханство) письмо в котором написал, что де прислал ко оному (называнному ханом) Салтан-Мурату зюнгорской владелиц Галдан Черен посланцов, чтоб оной Салтан-Мурат с верхними каракалпаками шел ко оному зюнгорскому владельцу в подданство, почему оной Салтан-Мурат и отдал в аманаты сына своего большого, а вышеописанной де нижних каракалпаков Мурат-Ших Хозей писал к вышеписанному (называемому хагом) Салтан-Мурату, что де они нижние каракалпаки к предписанному зюнгорскому владельцу в подданство нейдут для того, что они пошли в подданство ея императорскому величеству, в чем присягу учинили и той своей присяги не нарушат. Да вышеописанной же Салтан-Мурат, похваляясь, говорит: есть де у него сабля, ежели де махнет по людям, то на сорок сажен порубит, да есть же де у него стрельные копейцы,

ежели на людей бросит, то более тысячи человек побьет и имеет при себе тулунбай, да оной же де Салтан-Мурат держит при себе беглых из Уфинского уезду Сибирской дороги Катайской волости башкирцов: вора Сарткула с товарищи, которой де в прошлом году ездил и раззорял на Сибирской границе по реке Ишиму жилища.

7 февраля часто упоминаемой Убейдулла салтан сказывал ему, Гладышеву, что хивинцы с трухменцами имеют войну, для того некоторые де узбеки бежали от шаха в Хиву и объявили, якобы персической шах умер, а в прошедшем де январе месяце от них каракалпаков поехал в Хиву с торгом вышеупомянутый Мамыр Уразов (кой в прошлом 742 году от каракалпак был в Орску посланцем и с ним, Гладышевым, возвратился и, будучи в каракалпаках, на него, Гладышева, нападал).

3 марта между протчих разговоров объявил ему, Гладышеву, каракалпаченин Чюман-Ших: ежели де их нижних каракалпаков ея императорское величество так не пожалует, как часто упоминаемого Абулхаир хана, то де, хотя и еще пришьются к ним из России посланцы, то они тех посланцов будут кормить из собачьей посуды.

И вышеписанного марта 3 числа вышеупомянутые владельцы нижних каракалпаков Убейдулла Салтан и Мурат-Ших Хозей и все старшины и бии со всего совету, призвав его, Гладышева, сказали, что де они каракалпаки имеют с некоторыми своими письмами послать своих послов ко двору ея императорского величества и объявили каракалпаков восемь человек, в том числе первой — часто упоминаемого знатного Мурат-Шиха Хозя, сын родной Абдулла-Ших, второй — знатной каракалпак Мамон Батырь Уразаков, третий — эсаул каракалпаккой Булат (кой в случившихся их зборы своей орды жителей на совет наряжает), четвертой — Сагынды Бай, пятой — Баба-Назар Батырь, шестой — предписанного ж Мурат-Ших Хози сын же родной Маманы-ших, седьмой — Ших-эсаул, осьмой, в концеи назначенной помянутым посланцем, каракалпаченин же Айдар, с которыми он, Гладышев, ис помянутых нижних каракалпаков и отправился и ехал степью семнадцать дней, и выехали марта 19 дня на кочевье частоупомянуемого Абулхаир хана владения ево с киргис-кайсаками (кои имели кочевье близ Барсуковских песков), где жил он, Гладышев, с речеными посланниками три дни, и хотел показанной Абулхаир хан дать им провожатых, токмо не дал.

22 марта от помянутого Абулхаир хана, выехав, он, Гладышев, и с каракалпакскими посланцами начевали во владении оного Абулхаир хана и киргис-кайсака у Караменди Батыря и во время того начеванья украли у него, Гладышева, собственную лошадь, и 22 марта для отыскания той украденной лошади посылал он, Гладышев, толмача Мансура Дельного к предписанному Абулхаир хану, которой оному толмачю сказал, что означенную лошадь украли вышеписанного Караменди Батыря братья, для того оной Караменди Батырь на него, Гладышева, сердит за то, якобы во время приезду в прошлом 742 году в Орскую крепость с Абулхаир ханом сына ево не велел гранодерам пропустить к его высокопревосходительству тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву в полатку (чего от него, Гладышева, отнюдь не бывало).

23 марта, выехав от помянутого Караменди Батыря, он, Гладышев, с товарищи поехал [во] владения частоупомянуемого Абулхаир хана к верноподданному киргис-кайсацкому старшине Карабаю Батырю; жили три дни, где довольствованы были нескудною пищею от оного Карабая Батыря, кой для знания пути дал ему, Гладышеву, в провожатые племянника своего родного Басырмана Батыря. И от означенного Карабая Батыря выехав он, Гладышев, предписанного ж марта

26 числа в путь свой и, отъехав от кочевья например верст з десять, догнал его, Гладышева, с товарищи от упомянутого Абулхаир хана киргис-кайсака Алляберда Батырь (кой сказываетца шурин Абулхаир хана) и сказал, что де послал ево Абулхаир хан для провожания ево, Гладышева, с посланники до его высокопревосходительства г. тайного советника и кавалера Ивана Иваковича Неплюева, кой с ними обще приехал до Оренбурга.

Будучи он, Гладышев, в проезд чрез вышеписанные киргис-кайсацкие кочевья, слышал он от некоторых киргисцов, что многие киргис-кайсаки в приезд с торгом в Орскую крепость выменивают тайным образом Уфинского уезду у башкирцов и у казанских торговых татар порох; за один фунт дают по десяти корсуков, тако ж и на прочее выменивают же.

Будучи в пути вышепредъявленной посланной от Абулхаир хана в провожатые киргис-кайсака Алляберда между прочих разговоров чрез толмача Мансура Дельного сказал он Гладышеву, что де ныне Джанбек тархан зимовал в Торкустан и прислал известие чрез нарочного в Среднюю киргизскую орду, чтоб все кочевали к Торкустану, ибо де он Джанбек тархан с верхними калмыками помирился. Да в нынешнем же году по первому зимнему пути киргис-кайсака айлинского рода Акбута-Батырь с товарищи пятьсот человек ездил разорять нижних калмык и раззорил сто кибиток и взяли в плен, от чего оному Акбуте досталось 5 человек, а прочим сколько досталось имянно не сказал, а при том де побито калмыками киргисцов тридцать человек, а во время нападения на калмык якобы русские люди, имеющиеся на Волге реке, тем калмыкам противится помогали, поймав ис тех русских, обрезав носы, киргисцы отпустили.

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел 23 мая 1743 г.¹

Сего числа о возвращении посыланного от меня к каракалпацкому нижнему народу порутчика Дмитрея Гладышева и о приехавших с ним от оного народа посланцах и об отправлении некоторых из них ко двору ея императорского величества, так же и что на то до моего покорнейшего мнения и представления принадлежало, о том, о всем чрез особливо посланного Государственной коллегии иностранных дел обстоятельно доносил, а при сем и те посланцы, которые в том моем доношении объявлены, а имянно Мамон-Батырь Уразаков, за Пулат есаул чрез обретающегося в команде моей генерал-майора фон-Штокмана с порутчиком Гладышевым и с находящимся при нем, Гладышеве, учеником в Государственную коллегию иностранных дел отправлены, при чем оному генерал-майору определил, чтоб по объявлению ево, Гладышева, и оставшаго от тех двух в Оренбурге с прочими знатнейшаго в каракалпаках Мурат-Шиха Ходжи, сына Абдул-Шиха, склоня к той езде, с ними ж бы отправил и к ним придать одного из кощей, а буде похотят, чтоб токмо двоим ехать, то б означенного есаула Пулата вместе ево оставил для указанных от меня в вышеупомянутом перво отправленном резонов.

Оным дву посланцам, бывшим здесь, при отпуске их, в показание высочайшей ея императорского величества милости, дано мною по четыре аршина сукна и по лисице на шапку, а вышеписанному третьему Абдул-Шиху, когда с ними поедет, определил дать в Оренбурге четыре ж аршина сукна, ценою аршин рублей от двух и на шапку лисицу, да кощей их сукна последней доброты четыре аршина; им же на дорогу кормовых денег до Санкт-Петербурга, а имянно, трем по-

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

сланцам по десяти, а кашею по пяти копеек на день на два месяца в их посланские руки и отправить дав подорожную на четыре порутчику и школьнику, да одному драгуну или салдату, коего командировать велено,— три и того на семь ямских подвод с указными прогонами до Санкт-Петербурга, о чем Государственной коллегии иностранных дел покорнейшие доношу и о приеме тех посланцов, о содержании и об отправлении их возвратно по первому посланному моему об них доношению милостивого рассмотрения и определения прошу.

Иван Неплюев.

Из лагеря от речки Увелки

ВЫПИСКА

Прошлого 1742 года принят в подданство ея императорского величества тайным советником Неплюевым каракалпацкой нижней народ.

Того народа ханы и протчая старшина при нарочно посыланном офицере публичную в том присягу учинили. И ныне з благодарением прислали сюда послазцами трех своих старшин и обещают из плена своего освободить россиян, у них содержащихся.

Тот каракалпацкой народ кочевье имеет у Оральского моря около реки, имянуемой Сыр-Дарьи, где и хлеб пашут, ружье имеют огненное с фитилем, которое сами делают и в Хиве покупают, а селитру и порох делают и киргис-касакам продают; они ж имеют сайдаки, копыя и сабли.

Военного народа объявляют якобы 40 тысяч имеют, а посыланной к ним офицер при обрании Урускул Салтана в ханы, которого племени у ких знатнее нет, более в зборе не видал, как тысячь с шесть, но ис тех от большей части лошадей не имеющие, которых у них весьма мало, а больше употребляют в работы и в разезды быков. Тот каракалпацкой народ состоит под владением двух ханов. В соседстве у них с одной стороны аральской народ, а за оным Хива, где они главные свои торги, состоящие в скоте, имеют, а з другой стороны каракалпацкой же верхней народ. От Оренбурха в тот нижней каракалпацкой народ путь простирается чрез Меньшую киргис-касацкую орду чрез пески и степи, и скорою ездою налехке мочно доехать в 26 дней, а верст на пример будет с 3 тысячи.

В бытность российского офицера в каракалпаках, в разговоре объявил ему один старшина, яко в их орде пленных из российского народа есть с 3 тысячи человек, и он сам видел мужеска и женска полу человека с 70.

Такова отдана для доклада ея императорскому величеству в секретную экспедицию 12 августа 1743 года.

Доношение Коллегии иностранных дел в сенат, 12 августа 1743 г.¹

1.

Правительствующему сенату из доношений тайного советника Неплюева известно о принятии им в подданство ея императорского величества каракалпацкого нижняго народа и об отправлении их посланцов. А быне оные их посланцы: Мамон-Батырь Уразаков, Мамат-Ших, Мурат-Шихов и Пулат есаул, с одним их служителем, в препровождении бывшего в том каракалпацком народе Оренбургского драгунскаго полку поручика Дмитрия Гладышева, сюда в Санкт-Петербург приехали и от Коллегии иностранных дел тем посланцом по обыкновению дана квартира и определены кормовые деньги, и будут оные представлены пред ея императорское величество, и при отпуске их и награждение им учинится.

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

2.

И понеже киргис-касацкие дела и вся Оренбургская комиссия состоит во особливом ведомстве правительствующего сената, того ради Коллегия иностранных дел на разсуждение онаго представляет свое мнение, яко тот народ, как правительствующий сенат не приложенной при сем копии со взятой в Коллегии иностранных дел от вышепомянутого порутчика Гладышева скаски, усмотреть изволит, за весьма великим от российских границ отдалением, в действительной протекции и защищении ея императорского величества содержать неудобно; однако же, по нынешней онаго народ склонности и обнадеживанию отдачи российских пленных, кажется и от подданства отказать непристойно. И для того тайному советнику Неплюеву, во-первых приказать: старание возиметь о освобождении из них каракалпацкого плена всех российских подданных, а паче христиан, за что на жалованье ханом и старшинам мочно некоторую и сумму денег издержать, также и в прочем тому народу приласкание, и купечеству во Оренбурге приохочивание чинить, и в жалобе их на яицких казаков, ежели она справедлива, возможное им удовольствие показать.

А какову со оными посланцами к каракалпацким ханом и старшине, по разсуждению Коллегии иностранных дел надлежит отправить ея императорского величества грамату, оной при сем, також де на разсуждение правительствующаго сената представляется формуляр.

Таково подано за подписанием господ министров августа 12 дня 1743 году.

Проект манифеста¹

Божиею милостию мы Елисавет первая, императрица и самодержица всероссийская, и пр., и пр., и пр.

Нашего императорского величества подданным каракалпацкого нижняго народа: Каип-хану, Урускул хану, Мурат-Шиху, Губей Дуллы солтану и другим солтаном и его старшинам, и всему народу наша императорская милость.

Нам, великой государыне, нашему императорскому величеству, тайный наш советник и кавалер Иван Неплюев доносил, что вы в верном подданстве нам великой государыне учинили присягу, которую мы и листом своим, сюда к нам присланным, подтвердили, обещаясь в том подданстве нам, великой государыне, содержать себя всегда непременно, и во знак того прислали вы во Оренбург двух человек невольников наших подданных; также обещаете освободить и всех наших российских подданных, доньше у вас в неволе находящихся, и при том просите о высочайшей нашей императорской милости, и с тем к нашему императорскому двору прислали вы своих посланцов, Мамон-Батыря Уразакова, Маман-Шиха, Мурат-Шихова, Пулата есаула.

А понеже нашему императорскому величеству небезизвестно есть, что и в 1731 году присланные от вас при присудствии нашего мурзы Мамея Тевкелева, в бытность онаго в подданном нашем киргиз-касацком народе, имянем вашим в верности к нам присягу учинили², того ради, мы, великая государыня, наше императорское величество вашу к нам верную подданность милостиво похваляем, и приемлем все в число наших подданных, и обнадеживаем нашею императорскою высочайшею милостию и награждением, яко же и ныне, во знак того

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

² В 1731 г. хан Меньшой киргиз-кайсацкой орды Абул-хаир, теснимый джунгарами, а также ханами Средней и Большой орды, принял русское подданство; вместе с ним номинально считались в русском подданстве и часть каракалпаков, зависевших от киргиз-кайсаков.

вышереченные ваши посланцы были допущены пред наше императорское величество, при чем и от уст наших о нашей императорской к вам милости слышать удостоились, и со особливым награждением отпущены к вам возвратно. И мы великая государыня, наше императорское величество, всемилостивейше уповаем, что вы, видя к себе нашу императорскую милость, будете в подданстве нашем содержать себя всегда непоколебимо, и во знак первой вашей к нам верной службы, имеющихся ныне у вас в плене российских наших людей, какого б звания и веры ни были, собрав всех, конечно пришлете во Оренбург, за что и действительную нашу императорскую милостию от помянутого нашего тайного советника Неплюева награждены будете. И тако, будучи вы на нашу императорскую милость благодарны, можете от себя в Оренбург с купечеством караваны отправлять, и тем пользоваться, а оной тайной наш советник, яко главный в тамошнем крае командир, о всем том и о прочем указ наш имеет. И о чем он указом нашим будет к вам писать, или при персональном свидании словесно вам объявлять, и вам тому совершенно верить и исполнение чинить.

Елико же принадлежит до прошения вашего на наших подданных яицких казаков, которые, за неведением вашего в подданство наше вступления, взяли в полон некоторых каракалпак, и о том, имеете изъяснитца часто реченному тайному советнику Неплюеву, который может тех ваших пленных отыскать и к вам возвратить, и впредь то яицким казаком чинить запретить.

Таков формуляр подан в сенат при доношении августа 12 дня 1743 году.

Речь каракалпацких посланцов, 14 августа 1743 г.¹

Всепресветлейшая императрица государыня всемилостивейшая.

Понеже каракалпацкого народа Каип-хана, Урускул хан и главной их поп Мурат-Ших, салтаны и вся старшина со всем народом по неперемому их прошению, и по всемилостивейшему вашего императорского величества соизволению, приняты в подданство вашего императорского величества и в должной вашему величеству верности при нарочно присланном офицере торжественно присягали, того ради за принятие их в высочайшее вашего императорского величества подданство нами посланцами своими приносят всеподданнейшее благодарение и, засвидетельствуя свою всеподданнейшую верность, припадают к стопам вашего императорского величества и просят о содержании их и со всем народом в высочайшей вашей императорской милости.

Такову речь пред ея императорским величеством отправлял каракалпацкой посланец Маман Батырь, 14 августа 1743 года.

ОТВЕТ

Ея императорское величество каракалпацких ханов и старшины с их народом вступление в подданство приемлет милостиво и обнадеживает их своею императорскою высочайшею милостию и жалованьем.

Таков ответ от лица ея императорского величества сказан государственным вице-канцлером и ковалером графом Алексеем Петровичем Бестужевым Рюминым, 14 августа 1743 г.

Прошение Д. Гладышева, 21 августа 1743 г.²

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

² МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

Бьет челом Оренбургского драгунского полку порутчик Дмитрий Гладышев, а о чем тому следуют пункты.

1. В прошлом 734 году по указу вашего императорского величества ис правительствующего сената, по требованию бывшего статского советника Кирилова, определен я из уфимских дворянских рот из вахмистров в Оренбургской драгунской полк прапорщиком.

2. Потом командирован я, низайший, был в Сибирскую губернию в Теченскую слободу для покупки на экспедицию правянта, где обретался с 735 по 739 год, а по покупке препровождал до самого Оренбурга и, будучи во оном препровождении, бунтующими ворами башкирцами был у озера Уклы Карагая в атаке, где противу оных поступок ревнительно, не щадя живота своего и претерпев многие раны, а по возвращении из Оренбурха, паки нагрузя правянта подвод тысячи з две, отправился к Оренбурху зимним путем чрез их башкирское жилище и не допуста до Верхояницкой пристани отакован был оными башкирцами и был чрез весь генварь месяц в той атаке день и ночь и за недостатком пороху возвратился от них ретирadoю и был Сибирского гарнизона драгунского полку при подполковнике Арсеньеве для поиска над оными ворами башкирцами в разных партиях при командирах и один, причем также ранен неоднократно и много полону у них брал.

3. А по присланному ис канцелярии Оренбургской комиссии указу из оной Теченской слободы взят я в город Самару, где реченная канцелярия находилась, и оттоле послан я низайший в киргис-касацкую орду в первейшему старшине Джанбек Батырю для возвращения прежде посланного в Ташкент порутчика Миллера пограбленных казенных и партикулярных товаров, из которых некоторую часть и возвратил.

4. А понеже во оной киргис-касацкой орде Абулхаир хана не имелось, а обретался он в каракалпаках и з детьми своими и в то ж время для нужд ево Абулхаир хана приехали в ту орду дети Нурали и Эрали Салтаны, которых уговоря привез с вышеупомянутыми Джанбек Батырем и с протчими старшинами во Оренбурх, где они и присягу по своему закону учинили.

5. Итако за многое мое претерпение и службу 1740 года сентября 2 дня пожалован я покойным генералом-лейтенантом князем Урусовым в порутчики и отправлен в каракалпацкую орду для призыву к Оренбурху вышеозначенного Абулхаир хана и по приезде моем в каракалпаках ево не застал, а объявили старшины, что он отъехал в Оральское владение, куда и я к нему ездил и он оттуда меня с собою в Хиву и во оной Хиве на ханство, где был только три дни, а по приступлении шаха персического с войском ис Хивы бежал в каракалпаки и меня увес с собою и по приезде в каракалпаки отправил меня в Оренбург по прежнему от себя с письмами.¹

6. По прибытии же моем в Оренбурх паки послан был в реченную каракалпацкую орду ко оному Абулхаир хану для призыву ево в Оренбурх, куда ево и призвал, где он и присягу учинил.

7. По вступлении же в Оренбургскую комиссию главным командиром г. тайным советником Неплюевым послан я, низайший, еще в каракалпацкую орду для привождения их к присяге о бытии им в подданстве вашего императорского величества, которых как ханов, салтанов, старшин и протчих по их закону привел и присяжные листы в Оренбургскую комиссию подал, а из оной комиссии с посланными со мною посланцы отправлен в Санкт-Питербурх в Государ-

¹ Подробное описание поездки Гладышева и Муравина в 1740—1741 гг. в Хиву напечатано в «Географических известиях», отд. II, стр. 519—599.

ственную коллегию иностранных дел, с которыми и приехал, и листом, присланным от них ко двору вашего императорского величества рекомендован.

8. Будучи во оных часто упоминаемых посылках я, низжайший, претерпевал великие нужды, к тому ж будучи дорогою набегаящими ворами киргисцами ограблен бывал так, что без остатку и мучись смертными побоями, о чем известно в Оренбургской комиссии. И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было за оную мою долговременную службу и за многое претерпение в разных посылках переменить меня чином, а за пограбленное от меня наградить высочайшею вашего императорского величества милостию, дабы я, низжайший, впредь к таковым посылкам в состоянии быть мог.

Всемиловитейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитье милостивое решение учинить. Августа 21 дня 1743 г.

К поданию надлежит в Государственную коллегию иностранных дел. Прощение писал правительствующего сената копейист Василий Табонкин.

Записка

Что дано ея императорского величества жалованья на отпуске и прогонных денег каракалпакским посланцам.¹

Мамон Батырю Уразакову денег	50 руб.
Сукна 4 аршина по 2 руб. аршин	8 руб.
Другому Маман-Шиху Мурат-Шихову сыну денег	45 руб.
Сукна 4 аршина	8 руб.
Третьему Пулату есаулу денег	40 руб.
Сукна 4 арш.	8 руб.
Им же всем троим голь двулишная ценою в 13 руб. 20 коп.	
Служителю их денег	10 руб.
Сукна 4 аршина	4 руб.
Да всем им в дорогу кормовых денег против здешней	
Санкт-Петербургской даче 3-м посланцам по 20 коп., да	
служителю по 10 коп., а всем по 70 коп. на день на два	
месяца	42 руб.

Им же и при них в препровождении Оренбургского драгунского полку капитану Дмитрию Гладышеву с конвоем до Самары 8 подвод ямских и уездных, на которые прогонных денег выдано здесь до Москвы 38 руб. 84 коп. А от Москвы до Самары на подводы прогоны велено выдать в Москве Коллегии иностранных дел ис канторы.

Наказ И. Неплюеву, 5 октября 1743 г.²

Божиею милостию мы Елисавет первая императрица и самодержица всероссийская и пр. и пр. и пр.

При сем посылаются к вам копии с представления нашей Коллегии иностранных дел о пришедшим вновь в подданство наше каракалпакском нижнем народе, сенату нашему учиненного, и какова на оное получена резолюция и какую их каракалпакские посланцы: Мамон Батырь Уразаков, Мамат-Ших Мурат-Шихов и Пулат есаул, будучи пред нами на аудиенции речь отправляли и нашу императорскую милостию весь их народ обнадежен. А ныне те их посланцы с присланным с ними от вас Оренбургского драгунского полку поручиком Дмитрием Гладышевым отсюда к вам отпущены с награжде-

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

² МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

нием нашего жалованья, чему, так же и о даче им и с канвоем прогонных денег, особливая записка, так же и грамота наша к ханом их и старшине, и с нее копии при сем к вам посылаются. И вам, будучи о том известну, вышеписанную нашу грамоту при возвращении их посланцов отправить с нарочным офицером и о освобождении из их каракалпацкого плена наших российских подданных, а паче христиан, возьметь вам старание и за освобождение оных хозяевам их или другим, кому надлежит, давать за каждого человека ис казны нашей от пяти до десяти рублей, или сколько вы по тамошнему дел состоянию, усматривая случай, заблагодарасудите. А ныне при отправлении к ним, каракалпаком, вышеписанной нашей грамоты, можете от себя к ханом их и старшинам для приласкания что небольшое послать. В прочем с тем каракалпацким народом имеете поступать по вышеписанным копиям и по вашему в тех делах искусству, усматривая во всем лутчей пользы интересом нашим, и что в том будет происходить, о том от времени до времени в нашу Коллегию иностранных дел репортовать, и на что вам будет потребны указы, о том приобщать вами имения.

Дан в Санкт-Петербурге октября 5 дня 1743 года.

По ея императорского величества указу

Подлинная подписана посему: Граф Алексей Бестужев-Рюмин.

Инструкция Д. Гладышеву, 30 ноября 1743 г.¹

С возвратившимися от двора ея императорского величества каракалпацкими посланцами Мамон Батырем, Мамат-Шихом и Пулат есаулом ехать вам отсель² чрез Орск и оттоль удобнейшим трактом и безопасными местами в их каракалпацкое владение и поступать по сему.

1-е.

Едучи с посланцами содержать себя в добром согласии и, прибыв из Орска в первые киргис-кайсацкие улусы, вывести вам, где кочует Джанбек Тархан и, ежели будет попутно, то вам следовать на него, у которого просить провожатых до каракалпацкого владения, и ежели ко оному Джанбеку заезжать будет непопутно, то вам стараться, хотя и других в провожание свое надежных людей человек трех принять, со обнадеживанием, когда они вас препроводят и взяв от вас ис каракалпак письма сюда привезут, то дастся им здесь достойное награждение, а впрочем вам, следуячи чрез киргис-кайсацкие улусы, примечать поступки и рассуждения киргис-кайсацкие и вести себя честно и порядочно, также и осторожно, чтоб вам от каких-либо наглых и своевольных киргис-кайсак повреждения не приключилось, а особливо в разговорах с ними и с старшинами их имее-те разсудительно и осмотрительно поступать; ежели они будут спрашивать и говорить о¹ происшедших от киргис-кайсак нынешняго лета злодействах, то вам отзывать, что оное им другим загладить невозможно, как отысканием плененных ими людей и своим вседолжным повиновением, причем и о посланцах их Батыре с товарищи можете объявить, что они ко двору ея императорского величества посланы, а в прочем верных старшин и киргис-кайсаков можете обнадежить, чтоб они в предбудущее лето для торгов своих в Оренбург безбоязненно приезжали, ибо ея императорское величество, по высочайшему своему милосердию, не изволит, чтоб за воров и бездельников

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

² Т. е. от Оренбурга.

добрым людям какое ослабление учинить в надежде, что они какими тех злодеев унять и захваченных ими людей высвободить почтятся, не подвергая себя дальнейшему ея императорского величества гневу.

2-е.

В какой силе [состоит] посланная с вами к каракалпацким ханам, салтанам и к старшинам от ея императорского величества всемилостивейшая грамота и отсель отправленное письмо, с того при сем для вашего известия прилагаются копии; по прибытии вашем в каракалпаки имеете вы хану Мурат Шиху и салтаном первое о себе объявить, что вы присланы по высочайшему ея императорского величества указу со всемилостивейшею к ним от лица ея императорского величества грамотою, и для того б они учинили народный збор, при котором вы ту всемилостивейшую грамоту вручить им имеете. И как такое собрание у них учинится, то вам оную всемилостивейшую грамоту при всем народе подать и объявить, коим образом ея императорское величество, августейшая великая государыня, соизволила всех их и весь каракалпацкой народ в подданство свое всемилостивейше принять и обнадежить высочайшею своею императорскою милостию, чему свидетели и самовидцы бывшие у двора ея императорского величества посланцы их Мамон Батырь с товарищи. И как оная всемилостивейшая грамота прочтена будет, то вам и письмо тайного советника, при засвидетельствовании от него всякого им доброжелательства, подать и прилагать всевозможное старание о действительном изображенного в тех грамоте и письме исполнении, особливо о сыску и о освобождении имеющих у них российских пленных, а наипаче христиан, яко то сами они при вступлении в подданство ея императорского величества в письмах своих обнадежили, и вы в прежних своих объявлениях показали, что у них таких пленных будет с три тысячи человек.

3-е.

Ежели при собрании оных пленников некоторые из каракалпакских старшин будут вам объявлять, что они тех пленных не сами збирали, но у других народов покупали, на то вам представлять и обнадежить, что им по состоянию их верности за таких освобожденных учинено будет здесь не казны ея императорского величества особенное награждение, для которого кто похочет сам приезжать, или от себя поверенного в караване отправить может, чего ради вам иметь у себя о именах таких хозяев записку, выпрашивая, каким образом те пленныя им достались, особливо ж вам ханов и старшин стараться истолкованием присяжной их должности и высочайшей ея императорского величества милости склонить, чтоб они во отыскании и во освобождении тех пленных по учиненному от них обнадеживанию вседолжное старание возымели, и с тем бы они при купеческом своем караване предбудущю весною в Оренбург приезжали, обнадеживая, что то будет прямой знак верного их подданства, за что и награждение милостию ея императорского величества получить удостоится, как то и указом ея императорского величества учинить им повелено.

4-е.

А понеже чрез бывших в каракалпаках донесено здесь, что и такие тамо из пленных российских людей находятся, которые, обосурмаясь, живут де своими домами и к возвращению в Россию охоты не имеют, вам и о них всякое старание приложить, чтоб их на путь

истинный возвратить и утвердить, чтоб они, оставя свое заблуждение, со всякою доброю надеждою во отечество свое шли и себя б тако к вечной гибели не оставили, обнадеживая, что здесь обращение их принято, и они на свои прежние жилища отправлены быть имеют, а ханам, салтанам и старшинам представлять вам, чтоб они, по верности своей и по присяжной к ея императорскому величеству должности, их также не удерживали, изысняя им, что они тем верность свою пред ея императорским величеством довольно подтвердить имеют.

5. Ко отправлению в Оренбург купеческих их караванов и к производству здесь торгов их всячески вам поохочивать, истолковывая, какую от того киргис-кайсацкие народы пользу возымели, и что с их каракалпацкого торгу, также как и с киргис-кайсацкого никаких пошлин в казну ея императорского величества не возметсЯ, но еще и всякое потребное при том охранение показано будет, и того б ради конечно они такой свой караван предбудущею весною отправили и лутчие б их люди. яко ханы, салтаны и другие старшины при том караване для установления всех до пользы их касающихся дел приезжали, при чем и вам с ними возвращаться надлежит, а между тем вам о всем тамошнем происхождении стараться обстоятельное сюда доношение прислать чрез будущих в провожании вашем киргис-кайсаков или чрез кого вы надежно усмотрите, а особливо стараться, чтоб с тем прислать поехавшего отсель с Хальвет-Шихом Тарханом казака Лапина, которому быть тамо в вашей команде.

6. Ежели вы можете тамошних владельцев и народ собственным своим советом и представлением склонить к сему, чтоб они во знак своей верности и прямого подданства для отсылки ко двору ея императорского величества привезли в караване своем из находящихся у них барсовых больших и лучших кож несколько десятков, а буде можно, то б и живых таких зверей, или хотя что другое; оное б весьма было изрядно, и за сие можете особливою ея императорского величества милостию обнадежить их, однакоже, чинить вам так, аки бы вы то к лучшей их чести и пользе советуете от себя, не давая знать, что то по инструкции вашей представлять и требовать вам повелено. Буде же они по силе посланной к ним грамоты будут от вас спрашивать о разбитии напредь сего яицкими казаками каравана и людей их, на то вам ответствовать, что то яицкими казаками учинено в неведении подданства их, а к тому ж, как вы слыхали и люди их, бывшие в том караване, сами к тому подали притчину, тем что сперва казакам оным некоторые противности учинили, а потом, не показывая ничего о своем подданстве, с теми яицкими казаками в драку вступили, о чем о всем могут они по прибытии сюда от главной команды обстоятельно уведомлены быть и то их дело исследовано быть может, а вы про то более ничево не знаете.

7-е.

Впротчем вам, будучи тамо, усматривать поступки и обращения каракалпацкого народа и которые из них пожелают при Оренбурге жить для торгу, и к тому их всячески поохочивать и надежду подавать можете, по знанию вашему нравов и состояния тамошняго народа; ежели же случатца отколь-либо приезжая к ним посланцы и другия люди, то вам выведывать, зачем их приезд и с какими ответами назад будут отъезжать, от кого они каракалпаки более в опасности, и нет ли им каких противных внушений или какого утеснения с киргис-кайсацкой стороны, а наипаче от Абулхаир хана и от других киргис-кайсацких владельцев, подданных ея императорскому величеству, также и от зюнгорцов, и как они с соседственными народами обращаются, яко с тухменцами, оральцами и пр.

8-е.

Ежели вам случай будет видетца с помянутым ханом или з другими киргис-кайсацкими владельцами и знатными старшинами, то вам о произшедшем от киргис-кайсак злодействе в разговорах ответствовать так, как выше сего в первом пункте изображено, а буде они станут приносить жалобу на башкирцев, во отыскании тех лошадей всякое старание чинится, и те лошади действительно уже отыскиваются; зачем в Башкирии нарочной афицер был послан, велено отыскивая их, на корму в Башкирии содержать и, когда киргис-кайсаки повеленное им во отыскании и освобождении пленных ими людей исполнят и все ограбленное ими прешедшаго лета отдадут, то и отдачею тех их башкирцами угнанных лошадей удовольствованы быть могут. А предупомянутому хану о сыне его ответствовать по содержанию отправленного к нему ныне письма, с которого при сем для известия вашего прилагается копия, и ежели он получа то во известие, будет говорить вам о том, что он в намерении обретающегося здесь сына своего другим таким же, то-есть от единой матери рожденным, переменит весною, на то вам ему представлять, что намеренная помянутого Куз-Ахмета ко двору ея императорскаго величества поездка тому нимало не препятствует, ибо он сам туда по своему собственному намерению ехать пожелал и оттоль, равно как и отсель, возвращен быть может, а брат ево, на ево место присланной, равным же образом удостоится тамо видеть всемилоостивейшую государыню и высочайшую ея императорскаго величества милость получит.

9-е.

Для сей поездки выдано сверх окладного вашего жалованья на тамошнее содержание вам пятьдесят рублей, ундер-афицеру Гордееву десять рублей, бывшему при вас ис подгонщиков денщику Афонасью Персикову, которой написан в Уфинской пехотной батальон солдатом, пять, да на съезд дано вам казенных четыре, да посланцам четыре — итого восемь лошадей, сверх того, о удовольствованном вас содержании в письме к каракалпакким владельцем писано. И тако вам, будучи при сей комиссии поступать как доброму и честному афицеру надлежит, по присяжной вашей должности, ища во всем пользы высочайших ея императорскаго величества интересов, и сие порученное вам дело со всяким радением и усердием исправить, со всеми тамошними людьми обходитца с ласкою и содержать себя трезво и добропорядочно под опасением за нерадивые и непристойные поступки штрафа по указом.

10-е.

В заключение сей инструкции подтверждается вам блаженные и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра великаго указ, состоявшейся в прошлом 1724 году следующего содержания:

«Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оное отнюдь никому в партикулярных письмах не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций, а ежели какое препятствие от кого в том или ином будет твоему делу, писать, вольно, куда заблагоразсудитца, только упоминая о врученном деле генерально, от чего оному повреждению есть; также ежели случатся посторонние дела, тайности подлежащая, а в реляциях к тому от кого отправлен, зачем-либо писать будет невозможно, то вольно писать кому в том поверишь, о врученном же своем никак иначе только

как выше писано, под жестоким штрафом по вине преступления».

И на подлинном пишут тако: Иван Неплюев, по-немецки генерал-майор фон-Штокман, ассесор Петр Рычков, регистратор Иван Коптяжев.

Оренбург.

Письмо И. Неплюева каракалпацкому хану и старшинам¹

Ея императорскаго величества подданного каракалпацкого нижняго народа Каип хану, Убейдулле салтану, Мурат-Шиху, Урукл-хану, Сююдук бию, Девлетъ Бай батырю, Аллаберды бию, Майлы бию, Багадуру Джитт-Батырь и прочим старшинам, биям, батырям и всему тому каракалпацкому народу.

С поехавшими отсель Халвета Ших тарханом о всем обстоятельно до вас писал, а при том и о посланцах ваших, отправленных от меня ко двору ея императорскаго величества, Мамон Батыре, Аблай-Шихе и Пулат есауле, дано вам знать, что они по всемилостивейшем отправлении от двора ея императорскаго величества в обратном пути находятся, которые, по отъезде оного Хальвет-Шиха, через пятнадцать дней благополучно сюда прибыли, и по желанию их при сем моем дружеском письме к вам отпущены с отправленным с ними от двора ея императорскаго величества с пожалованною к вам грамотою капитаном Гладышевым, при котором посланы недавно бывшей у вас ундер-афицер и один ево, Гладышева, деньщик, помянутые же посланцы ваши потребными в путь подводами и лошадьми удовлетворены.

И понеже я вам, как выше упомянуто, с Халвет-Шихом обстоятельно о всем уже писал, а ныне не только чрез помянутого капитана Гладышева высочайшею и всемилостивейшею от лица ея императорскаго величества грамотою, но и чрез помянутых ваших посланцов, о высочайшей ея императорскаго величества милости, все вы совершенно уверены быть можете, яко они ваши посланцы пред престол ея императорскаго величества были допущены и о всем том изустно от ея императорскаго величества слышать удостоились. Того ради сим не распространяя, но ссылаясь на оную высочайшую и всемилостивейшую к вам грамоту, а к тому ж отправленной к вам капитан и посланцы ваши всему тому самовидцы и свидетели, и о высочайшем ея императорскаго величества соизволении и о всех ея императорскаго величества повелениях обстоятельно могут вам донести.

Между всем тем первая и главная ваша должность, видя к себе от такой в свете славной и великой монархии высочайшую милость, в знак всеподданнической вашей должности, крайнее и ревностное старание приложить об отыскании и о собрании, по учиненному от вас обнадеживанию, имеющихся у вас в неволе российских подданных, а особливо христиан, и по отыскании оных в Оренбург с собою привести, за которую вашу подданническую верность и службу от ея императорскаго величества имею я высочайшее и всемилостивейшее повеление при свидании с вами не только вас ханов, салтанов и всех старшин удовлетворить милостию ея императорскаго величества, но и те, у коих оные пленники найдутся и освободятся, особое и достойное за то награждение получают; а впрочем при таком свидании о всех ваших народных делах, якоже и о возстановлении здесь кунечества вашего для всенародной пользы почтуса все то действием исполнить как мне высочайшим ея императорскаго вели-

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

чества указом повелено, и вам в высочайшей ея императорского величества грамоте знать надо. Тако уже без сумнения с первым вешним временем вам и купеческого вашего каравана ожидать имею.

Объявленного капитана Гладышева и з будущими при нем людьми извольте содержать так, как от ея императорского величества к вам отправленного, чтоб ему, будучи у вас, ни в чем недостатка и ни от кого никаких обид произойти не могло, как то и здесь всегда с приезжающими от вас посланцами чинится, а как вы весною сюда поедете, то ему приказано быть при вас для предводительства вам, ибо он о дороге довольно сведом, и языку вашему искусен, и, сие объявя, остаюсь с моим всегдашним к вам доброжеланием.

Ея императорского величества тайный советник и кавалер, Оренбургской комиссии главный командир.

Подлинное за подписанием и печатью помянутого тайного советника и кавалера Неплюева.

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел, 10 декабря, 1743 г.¹

Ея императорского величества высочайший указ от 5 числа октября под № 703-м об отправлении с порутчиком Гладышевым бывших у двора ея императорского величества каракалпакских посланцов, и о пожалованной к тому народу грамоте, которую якоже и оных посланцов в их отечество велено отправить с нарочным афицером и о освобождении из их каракалпакского плену российских подданных, а паче христиан, возиметь старание, и о прочем, здесь чрез помянутого порутчика Гладышева 25 числа минувшего ноября получен, и оные посланцы с ним же, Гладышевым, сюда прибыли, на которой сим покорнейше доносится.

Понеже оные посланцы, по прибытии сюда, об отправлении своем ныне просили, и удерживать их здесь до весны был бы токмо напрасной расход, они ж, прибыв во отечество свое, тамошних ханов, салтанов, старшин и народ в верности пребывать и на высочайшую ея императорского величества милость уповать совершеннее могут утвердить, чрез что и ко освобождению находящихся у них в плене российских подданных более надежды быть имеет, того ради сего декабря 1 числа и отправлены чрез Орск и на проезд как подводами, так и лошадьми удовлетворены, с ними и з данною к их ханам и народу всемилостивейшею грамотою отправлен бывшей при них порутчик Гладышев, яко им посланцам и каракалпакскому народу знаемой, и в тамошних местах бывалой, в том разсуждении, что оные ханы сами о присылке ево к ним с награждением чина просили, чего для и написан он в посланных к ним письмах капитаном, как то и в проезжем указе ея императорского величества, данном ему из Государственной коллегии иностранных дел, написан капитаном же, он же, Гладышев, яко сведомой о нравах и состоянии того народа, к высвобождению означенных пленных удобнее может старание приложить, в какой же силе ему, Гладышеву, о том и о прочих тамошних делах дана отсель инструкция, со оной, также и с письма к каракалпакским ханом, салтаном и старшинам на рассмотрение Государственной коллегии, прилагаются при сем копии.

До возврату сюда означенных посланцов от того каракалпакского народа приезжал главного их духовного и Государственной коллегии иностранных дел известного Мурат-Шиха старшей сын и такой же

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

их духовной Халвет-Ших с письмом ко мне от ханов и старшин. Приезд ево наипаче в том состоял, чтоб уведомитца, подлинно, в каком здесь их каракалпацкой народ содержитца мнению и об отправленных от них ко двору ея императорского величества посланцах, которой, будучи здесь довольно утверждал, что их народ, яко древней российской подданной (ибо они сказывают, что издревле живали по Волге и по взятии Астрахани в нынешние места предки их отлучились), ея императорскому величеству во всегдашней верности пребывать желает и пребудет, и весною он с салтанами в купеческом караване паки приезжать и о свободе имеющихся у них пленных старание прилагать обещал. Он же Халвет-Ших на высочайшее ея императорского величества имя подал здесь челобитную и, объявля отца своего Мурата-Шиха и свои прежния заслуги, просил о награждении их тарханством, и понеже помянутой отец ево в каракалпацком народе, как то Государственная коллегия уже известна по их суеверию за святого духовного и за знатнейшего человека почитается и к службе ея императорского величества окажется старательным, а оной Халвет-Ших сын ево учинен и народу объявлен от него наследником ево, и такое же имеет суеверное у народа почтение, того ради, как к их удовольствию, а наипаче для успеху чрез них к освобождению имеющихся там российских пленников и к доброму сего народа содержанию, разсуждено оным тарханством наградить¹. И о том, на основании имеющихся здесь ея императорского величества присланных ис правительствующего сената и из Государственной коллегии иностранных дел дан им указ, и знаки ея императорского величества милости ему Халвет-Шиху учинены, и помянутому отцу его (ибо он за глубокою старостию сам сюда приезжать не в состоянии) нескелько послано, а протчие каракалпацкие владельцы обнадежены, что и они, по приезде их сюда со освобожденными пленниками и с караваном, высочайшею ея императорского величества милостию будут не оставлены. А ныне к ним посылать не разсуждено для того, чтобы их тем к приезду будущего лета с караваном привлечь и пленных высвободить. В какой же силе привезенные им Халвет-Шихом от каракалпацких владельцев и старшин письма и поданная от него Халвет-Шиха о тарханстве челобитная, с того, тако ж и с ответных от меня писем и с скаски прибывших оттолть толмачей (в которой как о их каракалпацком, так и о киргис-кайсацком состоянии довольно значит) и с указу данного на тарханство к рассмотрению Государственной коллегии иностранных дел прилагаются копии, таковы ж и в правительствующий сенат при нижайшем доношении посланы. Что ж помянутому Халвет-Шиху здесь, в знак ея императорского величества милости, подарено и к отцу ево послано, тому при сем же роспись, а учиненные присяги в бытность означенных толмачей у оных каракалпак о наследстве по высочайшему ея императорского величества соизволению его императорскому высочеству государю великому князю Петру Федоровичу при сем подлинныя приложены.

Иван Неплюев.

Оренбург.

Р. S. Вышеписанные каракалпацкие посланцы отъехав отсель семьдесят пять верст до Красногорской крепости и прислав нарочного от себя, объявили, что для нынешней великой здесь стужи и вьюжных погод ехать им невозможно, того ради определено ехать токмо до

¹ Получившие тарханство, пользовались разными преимуществами, освобождались от податей и других повинностей.

крайней Орекой крепости и тут быть, доколе благополучная погода будет, при которой велено их отправить против вышеописанного обретающемуся там полковнику Пальчикову.

Переводы с татарских писем, которые присланы от нижних каракалпаков, полученные чрез каракалпацкого старшину Хальвет-Шиха в Оренбурге, ноября 1 числа 1743 году, а имянно.¹

1-е

От Каип-хана, Губейдулла салтана, Мурат-Шиха и Урускул-хана и пр.

Высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу² премного кланяюсь.

Вначале Каип-хан, Мурат-Ших, Урускул-хан, Губейдулла салтан, Сююндук бий, Девлет Бай батырь, Аллаберды бий, Майлы бий, Джиянбай бий, Шамурат бий, Труш Багадур, Джият Батырь и весь каракалпацкий народ, большие и малые, белому государю в рабское подданство пришли и верности присягали, и посланных к нам от вашего превосходительства без удержания до вас отправили благополучно; так же и наших без задержания изволите отправить, дав им провожатых, и о всем состоит в воле все милостивейшей государыни. А весною в марте месяце с салтанами и знатными старшинами, так же и с караваном, к вам для свидания приедем и имеющих у нас пленных, которые от хозяев освобождены, привезем. Да еще просим вашего превосходительства, ежели наши посланцы ныне возвратятся от двора ея императорскаго величества то и того, который ныне отправлен до вас обще с ними ж, возвратить изволите без задержки, ежели ж оные не бывали, то просим сих посланных з Джанбековым посланцами ныне возвратить, а о прочем изволите спросить у сына моего Хальвет-Шиха, которой вам обо всем обстоятельно донести может, ибо оного Хальвет-Шиха со общего согласия ханов, салтанов и знатных старшин и всего народа с сим до вас и з будущими при нем Тагай Батырем и Мунак Батырем отправили.

На подлинном письме от их ханов Мурат-Шиха и салтанов чернильные печати.

2-е.

От Мурат-Шиха особливо высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву кланяюсь.

Сим вам доношу, что сорок тысяч каракалпацкого народа белому государю в подданство пришли и о всем в повелении и в воле все милостивейшей государыни состоят, и просим, чтоб караваны между нами с торгами ездили со всякою свободностию, с посланным от вас, придав к нему от себя своего сына до вас отправил в марте месяце знатных салтанов и старшин, так же и караван отправим³; ежели прежде посланные от двора возвратятся, то прошу обще с сим посланным сыном моим Хальвет-Шихом и с толмачем Мансуром, не задерживая, для лутчей нашему народу верности, отправить; дети мои Чюман-Ших, Хянсан-Ших, Абдул-Ших, Кюнтеи Батырь вашему превосходительству кланяются; при сем до вас послал малой презентец в знак нашей любви: одну барсовую кожу. Ежели что мне или

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

² Неплюеву.

³ Так в подлиннике.

детям моим пожаловать соизволите, то прошу что нибудь достойное; было б чем между нашим народом похвалиться. Паки прошу о сыне моем Хальвет-Шихе, чтоб отправить к нам без задержания.

На подлинном письме ево Мурат-Шиха чернильная печать.

**Письмо И. Неплюева каракалпакскому хану и старшинам,
10 ноября 1743 г.¹**

Ея императорского величества подданного каракалпакского нижняго народа Канп-хану, Губейдулле салтану Мурат-Шиху, Урускул хану, Сююндюк бию, Девлет бай Батырю, Аллаберды бию, Маилы бию, Джиан бай бию, Шамурат бию, Труш Багадуру, Джиат Батырю и прочим старшинам, биям, батырем и всему тому каракалпакскому народу.

Письмо ваше чрез Хальвет-Шиха исправно получено и о верности вашей к ея императорскому величеству, как из оного вашего списка усмотрено, так и от него Хальвет-Шиха словесное доношение здесь учинено, о чем и бывшие у вас ундер-афицер и толмачь, елико видели, засвидетельствовали и учиненные вами присяги подали, я о всем том вашем состоянии не оставил ея императорскому величеству все-милостивейшей нашей государыне всеподданнейше донести и обнадежить, что вы и весь каракалпакской народ, яко древние ея императорского величества подданные, ради, с каким обещанием и усердным желанием присягали, так и пребудете вечно и почитесь все то действием исполнить, что ныне в письмах своих объявляете, когда и знаки высочайшей ея императорского величества милости действительно получить удостоитесь, как то я присланному от вас Хальвет-Шиху на словах пространнее истолковал, который по подданому от него на высочайшее ея императорского величества имя прошению купно и с отцом ево Мурат-Шихом за доброе их состояние и за радение к службам ея императорского величества тарханским достоинством награжден и о том указом ея императорского величества снабден.

Что касается до прибытия вашего в Оренбург с караваном, в том наипаче ваша всенародная польза, от которой каракалпакской народ потребное удовольствие возыметь и в благополучное состояние притить может, чего вам всегда желаю, ибо вы сами без в какое состояние² чрез то пришед.—подданной же киргис-кайсацкой народ и как тем пользуются отдаленных мест жители, яко ташкенцы, хивинцы, бухарцы и другие тамошние народы, хотя и не суть они такие ея императорского величества подданные, как ныне вы и с вами нижней каракалпакской народ, с которого, яко с подданного, за торг никакой пошлины брано не будет, но так же беспошлинно всякой торг и промысел дозволяется, как и киргис-кайсаком. И тако будущею весною, по силе вашего и учиненного от Халвет-Шиха обнадеживания, будем вас и каравана вашего сюда ожидать, чрез что лучшей возымею случай мое доброжелательство вам засвидетельствовать и в надежде вашей на высочайшую ея императорского величества милость утвердить надеюсь, что тем, как вы, так и весь народ на всегдашнее время довольны и несомненны будете, а о безопасности в пути, так же и о пленниках у вас находящихся, говорил пространно с Халвет-Ших тарханом. Он вам здешнее разсуждение и ея императорского величества высочайшее соизволение обстоятельно донесет, по чему вам исполнить надлежит, ибо, как он словесно, так и вы письменно, довольно меня уверяли. И тако не имею сомнения, чтоб вы,

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

² Так в подлиннике.

желая удостоиться и получить от великой своей монархини высочайшую милость, того не исполнили, яко то первое и главнейшее засвидетельствование ваше к ея императорскому величеству верности, а напротив того, вы и все те, которые пленных привезут, высочайшею ея императорского величества милостию награждены будут.

О посланцах ваших, ко двору ея императорского величества поехавших, Мамон Батыре, Аблай Шихе и Пулат есауле пред недавним временем от двора ея императорского величества получил известие, что они туда прибыли благополучно и с награждением ея императорского величества высочайшей милости в незамедленном времени обратно отпущены быть имеют, почему и надеюсь, что они ныне в пути находятся; когда сюда прибудут, то останется в их воле, сею ль зимою к вам ехать или ожидать весны, как о сем и с Халвет-Ших тарханом говорено; с ними буду до вас писать, а между тем на слова упомянутого тархана ссылаясь, которой по правде и по бытности своей у меня может вам засвидетельствовать и уверить, с каким добрым намерением все вы и весь каракалпацкой народ в милости ея императорского величества.

Со всегдашним к вам доброжелательством пребываю ея императорского величества тайный советник, кавалер и Оренбургской комиссии главный командир.

Подлинное за подписанием и печатью тайного советника и кавалера Неплюева.

Оренбург.

Показания ундер-офицера Гордеева и толмача Мансура Дельного, 2 ноября 1743 г.¹

1743 г. ноября 2 числа приехавшие от нижних каракалпак, посланные туда из Орска, в бытность главной тамо команды с посланцами их, августа 31 числа в ундер-афицерском чине ис татарских школьников Филат Гордеев да толмачь Мансур, возвратясь, о той езде своей объявили.

По отбытии их с теми посланцами из Орской крепости ехали они вверх по Оре реке и искали кочевья Джанбек тархана и в шестой день наехали сперва увакского роду старшину Барман Батыря, которой сперва показал было им вид не весьма приятной за то, что ево родственник не за долгим пред тем временем пропал, о коем ему сказывали, что убит от русских. Однако ж, как они ему стали толковать о показанной ему чести и награждении в бытность ево ныне с Джанбек тарханом у тайного советника и ковалера Неплюева, то он обратился к ним с наилучшим приятством и содержал их во всяком удовольствии и по переназначении отправил к Джанбек тархану, дав шесть человек в провожание.

По отбытии от него Бармана в третей день наехали и онаго Джанбек тархана на речке Кайракле подле Орских вершин, к которому явясь посланные с ними письма ему подали и, хотя из них одним требовано от него о собрании им лутших старшин и о учинении совета к прекращению киргис-казацкого злодейства, то он то во всю их бытность содержал бездействительно, а другим требовано об отправлении их к каракалпацкому народу за безопасным провожением; только он Джанбек тархан от того весьма отговаривался и не токмо ко отправлению их, Гордеева и Мансура, в настоящий путь не склонен был, но и их всячески склонял, чтоб назад возвратились, а напоследок

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

хотел было и действительно назад отправить, с тем токмо резонем, что им ни в каракалпаки ехать не зачем, ни от них получить ничего не могут, и напрасно де только такой труд принимают, а к тому ж де ныне в орде русским и проезд весьма опасной, особливо же в алчинском роде, где де, как только о русском спознают, то живого не выпустят, что причитал себе за опасность и стыд, ежели под ево камнем пропадут. И о проводниках объявлял, что у него охотников сыскаться не чем, а в неволю послать никого не может. Однако ж они, Гордеев и Мансур, неотступно и со всяким усилованием просили у него себе отправления, куда они посланы, объявляя, что б им в пути и в каракалпаках ни зделалось, только они исполнять должны, каковым образом продержались у него шесть дней, и едва могли у него отговариваться, и разве де кто охотою пойдет, того б и брали. Чего ради они и принуждены были искать. Однако ж напоследок дал есаула своего Абдула, брата Шамаметя, да Асана Абыза, кой был прежде сего при Ходже-Ахмет салтане, которых, как он Джанбек тархан, так и они по силе данной инструкции обнадеживали, что за то их провозжание, по возвращении, от главного командира награждением оставлены не будут, и таким образом от него Джанбек с теми провозжатыми поехали в путь, и были с ними до самого возвращения, как сюда приехали, и тем их провозжанием довольны.

Будучи же в пути каракалпацкие посланцы сказывали им, что Джанбек тархан, в бытность их у него, наказывал им каракалпаком каждому порознь и тайно, дабы народ их ни пленников русских им, Гордееву и Мансуру, не давали, ни в посланство б хороших людей не посылали, а для чего, — того им не изъяснил, только они каракалпацкие посланцы сами признавали, что он то чинит, ревнуя их каракалпацкому подданству, и как де кайсаки ведают, что они каракалпаки особливаго пред ними кайсаками состояния, то де разве они опасаются, чтоб по склонности их каракалпацкой к российской стороне и по утверждении в подданстве какого им кайсакам утеснения не произошло.

По отбытии от Джанбек тархана проехали токмо одну волость киргискую, а потом до самых каракалпак ехали уже все степью, к которым и приехали в четырнадцатой день благополучно, только в пути по разговорам с каракалпацкими посланцами один Абдул-Ших Мурат-Шихов сын с толмачем Мансуром дошел до ссоры, и стал говорить: какие они русские посланцы, что как к ним каракалпаком придут, то называются афицерами и протчими чинами, а как в Россию возвратятся, то их и не знают никто, и что им, каракалпаком, потребно было, о том они командиром не доносили, и он Абдул-Ших от генерала саблюю не пожалован, и как Мансур сказал, что здесь тем жалуются честныя и верныя люди за особливую услугу, то он, Абдул-Ших, выхватя у него ж Мансура незапно саблю, на него замахнулся и действительно бы срубил, только киргис-кайсацкие проводники оную перехватили и не допустили, и за то ево лошадь плетьюми стегали, и так с ним разошлись; однако ж и в каракалпаках он Абдул-Ших им, Гордееву и Мансуру, по той ссоре разные и немалые приметки чинил.

По прибытии к каракалпацкому народу въехали сперва в крайней елайрской род к простому каракалпаченину, у которого и начевали, а поутру поехали к Мурат-Шиху в настоящие улусы, и, не доехав верст за пятнадцать, от Мурат-Шиха выслана была им встреча человек с пятьдесят, с которою под вечер приехали к нему Мурат-Шиху, а от него приготовлена была для них особливая кибитка, в кою они и стали. При чем, как бывшая на встрече их, так и протчия, во первых стали спрашивать, где у них люди и протчие тягости их.

И как они Гордеев и Мансур сказали, что более ничего не имеют, как только что при них есть, ибо отправлены токмо с письмами и с надлежащим повелением, то они все, задумався, от них разошлись, а посланцы их, бывшие с ними, пошли по домам своим. И тако они, Гордеев и Мансур, в той кибитке и остались.

Немного погодя, ночью Мурат-Ших их, Гордеева и Мансура, призвал к себе, которой, по надлежащем поздравлении, спросил, с чем они приехали, и как ему сказали, что с письмами и со объявлением о всемилостивейшем ея императорского величества принятии их в подданство и со обнадеживанием высочайшей к ним ея императорского величества милости, то он Мурат-Ших паки спросил, естли что с ними в жалованье ему или детям ево и народу. На что ответствовали то ж и что как к нему, так и Кайи-хану, Губаидулле салтану и Девлет-баю на первой случай по портицу сукна кармазинного прислано, против чего он Мурат-Ших немало усумнился и сказал, что потому как он Мурат-Ших в стыду остался, так и сами они пропали, яко народ их ничего от них во изъяснение принять не может, когда узнает, что с ними ничего к ним не прислано, ибо они того и ожидали, как им порутчиком Гладышевым обещано, что они все милостию ея императорского величества во всем удовольствованы будут. И хотя ему Мурат-Шиху представляемо от них было, что в письме к ним изображено, как их ея императорского величества высочайшею своею милостию обнадежить повелено, и как оную они действительно получить могут, чему они и следовать должны, но он Мурат-Ших с немалым неудовольствием говорил, что народ тому, что б было ни написано, отнюдь не верит, доколе действительно не увидит награждения; и тем оное время у них продолжалось.

На другой день Мурат-Ших призвал их, Гордеева и Мансура, паки к себе ночью ж, и взял от них присланное с ними к нему сукно, которым хотя он доволен был, токмо весьма скучал, что к ево детям ничего не прислано, кои де и прошлаго году, в бытность порутчика Гладышева, всячески старались о всем, что они, Гладышев и Мансур, желали, и хотя он Мурат-Ших то сукно намерен был разделить тем своим детям, однако ж они сами ему то разговорили, что оное на разные части изодрав и в другие руки роздать неприлично, яко оно прислано к нему от толь знатного государства, в знак ея императорского величества милости, за ево верность, чего ради он его оставил у себя в целости и розвесил в своей кибитке в показание всем полученной им ис того чести.

И на третей день Мурат-Ших своего роду Габейдуллу салтана и прочих старшин собрал в мечеть, ибо протчие роды кочевали одни от другога не блиско, в которую и их, Гордеева и Мансура призвал, и присланные с ними письма взял, кои ими и поданы с надлежащим при том их объявлением, и Мансур их читал и, что было потребно, толковал, особливо же о пленниках обще старались. На что они каракалпаки ответствовали, что хотя они в подданство ея императорскому величеству пришли, однако ж не во всем еще утвердились, ибо о России почти ничего не знают и только что первые посланцы возвратились, то де уже генерал и пленников требует, к чему де народ их склонить никак невозможно, доколе они в том подданстве оснуются, яко то чтоб российское состояние совершенно они узнать могли, и для того де как посланство, так и купечество перво учредить и в порядок привести потребно, ибо де народ их дикой и бес того к единственному мнению утвердить их не можно, а к тому ж де в том особливо препятствовать им может то, что они от ея императорского величества никакой милости еще не получали, зачем никто того и учинить не похочет, ибо хотя они тем и обнадеживаются, только

как с порутчиком Гладышевым, так и с ними все на словах, и потому де с языка ничего достать не можно, и что они принятия в подданство такого желали что, как мурза Тевкелев к Абулхаир хану приезжал, которой де не токмо ево, но и народ ево наградил. Причем кто разговаривали, что киргис-кайсацкой де народ и поныне от вас награждение получает, как черными лисицами, так и кармазинными сукнами, токмо де пленников не токмо не освобождают, но и вновь российские места раззоряют, и в полон берут, а мы де от вас и ничего еще не видали, да и полонеников требуете, генерал де не шах персической, нас де не саблюю в подданство привел, но мы де сами пришли, и для того де нужно прежде как путь в Россию, так генерала и торг российской далее спознать, почему и о пленниках стараться исполнить обещались, ибо де того вдруг в их народе сделать нельзя и они пленники от них не уйдут. А более все то, яко же и прочие здешние требования, отлагали до возвращения достальных их посланцов, отправленных ко двору ея императорского величества, разсуждая, что, когда оные прибудут, то тогда они посмотрят, что с ними будет, а о посылке сюда салтанов и лучших людей, также и об отправлении купеческого каравана Мурат-Ших сказал, что как хочет Каип-хан с прочими. С чем с того собрания все и разошлись; по прочении же тех писем, ему, Мурат-Шиху, посланное с ними, Гордеевым и Мансуром, именем тайного советника ружье штуцер вручено, которое он принял с немалым благодарением и при многих людех бога за то молил.

На четвертый день, уведав о приезде их, Каип-хан к Мурат-Шиху прислал, чтоб их, Гордеева и Мансура, прислал к нему, почему он Мурат-Ших, дав им приехавшаго ныне с ними сюда сына ево Халвет-Шиха, так же и то письмо, кое они к ним от тайного советника привезли, к нему, Каип-хану и отправил, к которому они и приехали чрез полдни и, подав то письмо, как о приеме их в число верных подданных ея императорского величества объявили, так и высочайшею ея императорского величества милостию обнадеживали, при чем и сукно, посланное к нему, вручили, с чем он их принял весьма изрядно и письмо взяв поцеловал и на голову положил, а за сукно немало благодарил; для них де поставил особливую кибитку и потом, собрав лучших людей, человек с сорок, письмо читал, по которому он ответствовал, что о пленниках зависит в старании и повелениях больше от Мурат-Шиха, яко он в том по своему духовенству и старости больше возможности имеет, а о караване говорил сперва, что ево отправить опасно, ибо де ныне киргис-кайсаки, хотя и подданными ея императорского величества называются, но вместо того российские крепости раззоряют и в полон берут, а к тому ж де и от русских небезопасно, ибо когда они и прежде сего по приходе в бытность у Абулхаир-хана мурзы Тевкелева, в подданство ея императорского величества купеческой караван к волским калмыкам отправили, то оной от яицких казаков разбит и бывшие при том их люди побиты, а прочие, что ни лучшие, в полон побраны, а особливо знатнейшей и первой их старшина Палван Батырь, и хотя ему они, Гордеев и Мансур, на то объявляли, по силе данной инструкции, но он хан, ничего того не приемля, отзывался, что яицким казакам о подданстве их нельзя было не ведать, ибо он в знак того во-первых беглых из России башкирцов триста семей, от которых он сам довольствовался, отдал. Об отправлении же ко двору ея императорского величества салтанов и знатных людей отзывался тем, что, хотя он Каип-хан прошлого года с порутчиком Гладышевым и о своем сыне обязывался, но с каким сюда отправлением, о том, как ко двору ея императорского величества, так и к тайному советнику

и ковалеру, писать удержался, ведая, что как российская великая государыня толь славная и высокого разума, следственно и правители ея о всех порядках довольно сведующие, то б ему было неприлично, однако ж и ево хана, яко же и протчих ему подобных, хотя они и бедные люди, по природе и по обыкновению их честь содержитца и когда зюлгорской владелец из верхних каракалпаков и от неприродного хана Хози (кой у них находитца из беглых из России чювал) сына потребовал и присланные от него хотели было взять просто, то старшины каракалпацкие ево удержали до того, чтоб от онаго владельца то ево ханского сына взятъе было с таким порядком, дабы для того прислано было от него зеленая полатка, надлежащее число лошадей и верблюдов, а им бы старшинам подарки, почему де то от онаго владельца и учинено, и для того де пред своею братьею и ему Каип-хану помянутого сына своего отправить просто не можно.

Затем он Каип-хан по представлению их о наследстве его императорскому высочеству благоверному государю великому князю Петру Феодоровичу всероссийским императорским престолом как за себя, так и за детей своих и за весь свой род чинил присягу, в чем и печать свою приложил. И тако у него хана пробыли сутки во всяком удовольстве и с тем от него возвратились к Мурат-Шиху и, хотя он Каип-хан во всем их прибытием не доволен был, однако ж желал и при отъезде им наказывал, что им желательно, дабы из России посланцы присылаемы были как к нему хану, так и к протчим знатым людям, на всякой род по особливому человеку. В бытность их у онаго Мурат-Шиха и Девлетъ бай батырь, уведав, к ним приезжал, которому они с надлежащим объявлением посланное письмо и сукно вручили и, хотя он всем тем доволен казался, при чем немедленно и присягу учинил, но как после того вскоре уехал в свой улус, то они более ево и не видали.

Купратского роду Урускул хан уведав, что они руския посланцы приехали и живут у Мурат-Шиха и к Каип-хану ездили и надеялся, что с ними есть и к нему хану письма и посылка, прислал к ним, Гордееву и Мансуру, есаула своего Шамрата с выговором, для чего они так долго к нему хану не явились, на что они ему ответствовали, что к нему с ними ни писем, ни посылок никаких нет, кроме как ко всему народу писано, ибо он и сам особливаго письма не писал, против чего тот есаул объявлял, что, когда он хан при порутчике Гладышеве в подданстве своем ея императорскому величеству присягал, то при отправлении от них онаго Гладышева Мурат-Шихов сын Хальвет-Ших (кой ныне сюда приехал) ездил нарочно к нему хану с тем, что он хан при том отправлении от себя прикажет или своих посланцов пошлет, которому он хан приказал в посланном с ним Гладышевым письме, и от его имяни приписать, ибо де у него писаря не имеетца, чего ради и печать свою на белом листу приложил и к порутчику Гладышеву с ним послал в подарок девять штучек ташкентских сусов да халат. Но как Мансур подтвердил, что от него ничего писано не было, и Гладышев ничего того не слыхал, то оной есаул им Хальвет-Шихом стал с тем следовать, по которому он Хальвет-Ших, приходя к нему Мансуру, всячески приступал и принуждал, чтоб он тому ханскому есаулу сказал, яко з Гладышевым и от него хана письмо им послано, и что подарок ево ханской он Гладышев получил, а напоследок и ножом страпал, что ежели так не скажет, то он ево зарежет, ибо де он Хальвет-Ших, яко почетной человек, им того не малой стыд принять может. Однако ж он Мансур в правде утвердился, оной же посланной с ним Хальвет-Шихом к Гладышеву подарок утаил он у себя и разделил з братом своим Чюман-Шихом, с чем оной есаул от них и возвратился, и

с ним ездил к нему помянутой Халвет-Ших для взятия от него присяги, и хотя Урускул-хан на них, Гордеева и Мансура, сперва весьма осердился и послал было девять человек их убить, и что так Халвет-Ших с Чюман-Шихом зделал, никак верить не хотел, однако ж тот есаул ево от того разговорил и об них Гордееве и Мансуре уверил, после чего он хан и присягу учинил, объявляя де (как Халвет-Ших сказывал), что, хотя он ныне из России ничего не видал и с ними каракалпаками сообщаться не должен, однако ж прежней своей о подданстве присяги нарушить не хочет и требовал де, дабы впредь как к нему хану, так и на всякой род по особливому посланцу присылано было.

С вышепоказанным Урускуловым и есаулом Шамратом для них, Гордеева и Мансура, приезжал того ж роду знатной и первой старшина Сююндюк, которой весьма желал для содержания их взять к себе, завидуя, что кто из России ни приедет, то Мурат-Ших всех у себя удерживает; но Мурат-Ших отпустить к нему нimalo не склонился, и хотя он Сююндюк и ссорился в том с ним немало, упрекая ево, что от него таким руским посланцом не токмо каких подарков не бывает, но и содержания хорошего нет, а к тому ж де хотя кто и другие подарками награждать пожелают, яко то Урускул хан к Гладышеву было послал, но и того, им не допуская, у себя удерживают, и вместо их сами корыстуются, а напоследок вышеписанного ханского есаула и по лошадей их посылал, и оседлать приказал, и их Гордеева к той езде не только принуждал, но и пожем стращал, только Мурат-Ших их до того не допустил; но что касается до такого ево сююндюкова поступку, то он, как они могли усмотреть, домогался с вымыслу, чтобы над ними у себя какой вред учинить, как то ему Урускул-хан приказывал, рнясь за то, что они с приезду в их народ мимо ево проехали, яко он пред другими ханами почитается больше, и тако он Сююндюк возвратился; однако ж, по требованию их, присягу учинил.

Затем они у онаго Мурат-Шиха жили до отъезду уже праздно и всего тамо пребывания имели месяц, ибо они, каракалпаки, сперва намерение имели держать их у себя все зиму, но как от трухменцев, кочующих около Хивы, произошли на крайние их улусы нападения, кочующих к Аральскому владению кибиток с пятнадцать вырубил, то они, согласясь с киргис-кайсаками, положили в отмщение им, трухменцам, иметь с ними за то войну, чего ради и об них, Гордееве и Мансуре, они каракалпаки имели собрание и совет, для которого и Каип-хан к Мурат-Шиху приезжал, и сперва намерены были отправить их возвратно одних с киргис-кайсацкими провожатыми, объявляя, что ныне около их все стала война, и хотя де вы о киргис-кайсаках сказываете, что они подданные ея императорскаго величества, но они де все ваше крепости разбили, и затем де ехать им опасно, однако ж Мурат-Шихов сын Халвет-Ших сам сюда ехать с ними пожелал, по которому они отправить их с ним и положили с тем резонем, чтоб он Халвет-Ших, как об них, каракалпаках, обстоятельно донести, так бы и во всех от генерала обнадеживаниях уверится и в ево требованиях основаться мог, по которому они и поступать будут, разсуждая, что их, Гордеева и Мансура, более у себя держать опасно, яко они и сами начинают войну, то б в таком случае какого им вреда причинится не могло, и от того б им в стыду не остаться, по которому они, Гордеев и Мансур, взяв от кого пристойно было у них присяги, сентября 28 числа от них и отправились, причем как Мурат-Ших, так и Каип-хан наиболее всего наказывали, дабы впредь, когда отсель посланцы отправлятца будут, то б как к ним, так и в кунратской род к Сююндюк батырю, особливые пись-

ма и посланцы присылаемы были, чтоб по тому в требованиях всяк в своем роде старался, ибо де народ их бес того к доброму склонить не можно, и хотя де они сами иногда о чем бы и старались, но другие в своих родах препятствовать могут. А как ими, Гордеевым и Мансуром, усмотрено,—то они каракалпаки желают того, чтоб им подарки способнее чрез то получать было, яко думают, что бес того отсель отправляться не будет.

Пред отъездом же их за несколько времени бывшей прошлого 1742 года в Орской крепости ис каракалпацких посланцев, кой отправлен тогда с порутчиком Гладышевым, Мамыр Батырь Уразаков, увидя у них, Гордеева и Мансура, кафтан аглицкого сукна с Халвет-Шихом просили оной себе, но как оного им не дали, то оной Мамыр хотел их ограбить и действительно к тому был намерен, объявляя, что Абулхаир-хан и прошлого году оного порутчика Гладышева и ево, Мансура, приказывал ограбить, по которому он у них несколько и отнял; только к тому, они Гордеев и Мансур, не допущены, и хотя Мурат-Шиху о том с жалобой говорили, но он и сам сказал, что прежде у них и никому из русских выезду не было, кроме того как они при Гладышеве присягу учинили.

Посланное с ними в запас кармазинного сукна портище подарили они одному из Мурат-Шиховых детей, сыну Чуман-Шиху, которой, как ими усмотрено, у него Мурат-Шиха в лучшем люблении находится и в советах весьма силен, чему и он Мурат-Ших более следует, и хотя они от того удерживались, чтоб то сукно зберечь, но как оной Чуман-Ших видел, что он без награждения от них остается, то он во всех их нуждах никакого успеху допускать было не стал, а потом как сам и к присяге пришел, так и протчих многих ево вспоможением приведено.

В бытность их тамо, хотя как у них каракалпак в содержании их, Гордеева и Мансура, ни происходило, однако ж они от них каракалпак в том их подданстве притивностей и замыслов никаких, так же и лести не усмотрели, но сколько могли видеть, то они с прямым намерением в то вступили и содержать и к тому радение имеют, почему оное их подданство и ея императорскому величеству не безнадежно, в чем наиболее склонны упомянутые Мурат-Ших и Каип-хан, так же и в кунратском роде сюндюкова родственники, а наипаче всех к тому радетен Губейдулла салтан, которой одного роду с Мурат-Шихом и, как их, Гордеева и Мансура, во всю их бытность он более довольствовать, так и всякие им ведомости подавать и по тамошнему их обычаю в поступках их наставлении им чинить старался, только он между своим народом мало силы имеет. Однако ж в люблении у них находится и назначен в кунратской род ханом вместо Урускул-хана, котораго от ханства намерены они отрешить, почему он и в присяге и в письме хотел было подписываться ханом же; только после до действительнаго на то возведения признал за непристойно.

Мурат-Ших по их усмотрению в народе их весьма силен и народ ево почитает не иначе, как за святого, чего ради и делать без него ничего не хотят, а как они видели, то он действительным к тому угодником себя оказывает, ибо великой постник и в молитвах трудник и хотя какая бы стужа ни случилась, но он, вышед на снег, до земли протает и от кого что голучит в подарок, то у себя ничего не оставляет, но раздает в мир, за что не только их каракалпаки, но из других городов, яко то ис Хивы и Бухарии приезжая, ево чтят. По нем из детей ево тамо почитаются: во-первых, большой Халвет-Ших, кой ныне с ними сюда приехал, да меньшей Чуман-Ших, которых он Мурат-Ших и любит лучше всех. Почему они и силу в народе

своем немалую имеют, и онаго Халвет-Шиха с вышеупомянутым Сююндюк Батырем, в бытность их, и в Хиву призывали и жаловали на место побитых тамо правителей, учрежденных от шаха из аральского народа, двух человек, только он Халвет-Ших более склонился сюда. Каип-хан между ими хотя не властен, но по их состоянию весьма умен и не убог.

С нутренним состоянием они гораздо убожее, нежели киргис-кайсаки и промысел их более состоит в хлебопашестве, скот у них больше рогатой, а лошадей весьма скудно, при том и торг производят, как в Хиву ездят, так и у себя приезжающим, скотом, а больше продают в киргис-кайсацкую орду порох, свинец и ружья, которые все у себя сами делают.

По отбытии их от того каракалпацкого народа ехали они до Абул-хайр-хана дней з двадцать и на дороге встретили посланного отсель с письмами казака Лапина, с которым соединясь и ево хана искали, и наехали ево на речке Кайракле, к которому и явились вместе с Халвет-Шихом, и о своей комиссии донесли, против чего он весьма осердился и стал с жестокостью спрашивать, что как они туда проехали и как они сказали, что чрез Джанбека для лучшей безопасности, то он и наипаче ожесточился за то, что тайный советник, кроме ево хана, такое им отправление учинил, ибо де они и в подданство приведены чрез него хана, а ныне де уже Джанбека более ево стал почитать; на онаго же Халвет-Шиха наипаче стал кричать, для чего они без ево ведома так пересылаются, со всяким их поношением и укоряя, что сперва российскую государыню нашли чрез него, а ныне сами собою вызываться стали: вы де, как башкирцы, только знаете себя оказывать, а того де не видите, что иногда, как сами, так от вас и другие, пропадут. И велел тот час, как ево Халвет-Шиха, так и их, Гордеева и Мансура, обыскать, какие они от каракалпак письма имеют, и нет ли в них какой на киргисцов жалобы, по которому они есаулами ево во всем коше и обыскиваны. Однако ж Халвет-Ших объявил ему только одно писанное от Мурат-Шиха письмо, а протчие ими были упряманы, и хотя в нем противнаго ничего не нашол, однако ж ево Халвет-Шиха отпустить не хотел. Но как он Халвет-Ших стал ему говорить, что, когда он отправлен, то ево удерживать уже не для чего, и за то как отец ево, так и российская государыня недовольны от него остаться могут, то он к отпуску склонился и сказал: так же ты хочешь меня в том до стыда привести, того де ради, и как де отец твой — святой человек, поезжай.

При том же помянутой Лапин от тайного советника и ковалера ему хану подал посланные с ним письма, которые как ему прочтены, то он на него тайного советника наипаче осердился, и с немалым унижением говорил, что генерал им командует, и требует обыску пленников, добро бы де уже писала к нему государыня, то б исполнять не отрекся, а то де он — генерал, а я де — хан, следственно, и сам де таких же генералов имею, и уже де он таковыми письмами так наскучал, что де таких лоскутьев целой верблюд у него накопился, а что де он кайсакам грозит, тому статься не можно, и что де они боятся никогда не будут, вам ли де их доставать, что они, яко звери, куда хотят, туда уйдут, а вы де с своими телегами долго ли находить-ся можете; он де пишет много, а я де, что ни отпишу, тому не верит, и хотя де афицеров присылает, но только ими славу делает, вот де афицер только сидит, да ездит, а к генералу не только об них, но и о себе ничего ни писать, ни говорить не смеет, яко он с народом своим управиться не может, и хотя де прошлаго году сам ему представлял, чтоб для приведения в послушание учинил помочь войском, но он деи того не зделал.

И тако то время препроводили и были у него без малого двои сутки, а потом все они от него отпущены, и как с Лапиным, так и с Халвет-Шихом письма посланы; при отъезде же их, как он хан, так и прочие киргисцы весьма наказывали тайному советнику донести, что башкирцы их киргис-кайсаков весьма обижают, и уже лошадей с тысячу отогнали, от которых они и к Сыр-Дарье бежать принуждены, и чтоб такое воровство пресечено было и из отогнанных лошадей нарочно для того посланных хотя малое число возвратить, а затем де прочих хотя после уже станут доставать, а если де тех лошадей ныне не возвратит, и их не уймет, то де лишь токмо зимняя дорога станет, вместо их у них, башкирцов, детей уже брать будут, ибо они не от государыни, ни от генерала, но от башкирцов уже обижаются. При том же отъезде, как хан к тайному советнику написал о задержании ис поехавших с ними джанбековых людей Каипа есаула да бывшего в провожании их Абдулова брата Шамаметя, вместо имеющих в ево джанбековых улусах русских пленников, то оной Шамаметь, уздав про то, хотя и ехать весьма опасался, однако ж напоследок осмелился и говорил, что если ево здесь задерживать будут, то генералу все донесет, яко он хан пишет, то вместо своего плутовства и он сам вор, ибо де прежде сам же алчинцов научал под российскими местами воровать, в том мнении, что русские, испугався того, сына ево скорая отдадут. А ныне де уже, что в том и дела, то не знает. Халвет-Ших же, будучи в пути, сказывал им, что Абулхайр-хан весьма отвращал ево тайно, чтоб сюда не ехать, страшая будто ево здесь задержат, что же они мимо ево хана не проехали, то он Халвет-Ших сам к нему явиться искал, как и от народа ему приказано, и бес того проехать не смел, ибо де они кайсаки кочуют ныне в близости к ним и тако они ево хана боятся; о состоянии Хивы, будучи они в каракалпаках, слышали, что тамо ханом ныне бывшего хана Юлбарса сын, котораго персичкой шах убил, и хотя при нем для ево молодости от него, шаха, были во оной Хиве особливые из аральцов двое правителей учреждены, но, как оные, по шахскому указу, от кочующих около хивинского владения тухменцов стали требовать к нему людей в службу, то они, не дав их, положили тех правителей побить, к чему и хивинцов склонили, и потому они чрез них, а более чрез того хана и побиты, а потом они с хивинцами и тухменцы объединились, и хотя хана того же оставили, за то, что бывшие правители наиболее им переведены, но прочих хивинских присутствовавших с теми правителями, тако ж побив, на их места из своих тухменцов учредили и от шаха отложились и ныне имеют войну с каракалпаками и киргис-кайсаками.

К подлинной скаске помянутые ундер-афицер Гордеев и толмачь Мансур Дельной своеручно подписались.

Прошение Халвет-Шиха императрице Елизавете Петровне¹

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня, императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом вашему императорскому величеству всеподданнейший раб нижних каракалпак ябынского роду Халвет-Ших Мурат-Шихов, а о чем мое прошение тому следуют пункты.

1. Ныне тому пятнадцать лет как был мурза Тевкелев в киргис-кайсацкой орде у Абулхайр-хана для приводу ево со всею ево вла-

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Дата отсутствует.

дения киргис-кайсацкою ордою вашему императорскому величеству в подданство.

2. В то время каракалпацкой наш народ, мой отец Мурат-Ших и Каип-хан, салтаны и знатныя старшины и я, низайший, и со всею нашею каракалпацкою ордою вашему императорскому величеству при помянутом мурзе Тевкелеве в рабское подданство пришли, что более старание отца моего Мурат-Шиха учинилось.

3. В знак того нашего рабского подданства находящихся у нас 300 дворов башкирцов, по требованию вышеозначенного мурзы Тевкелева, возвратили, в чем так же отец мой и я, низайший, верное старание прилагали.

4. В прошлом же году для оказания того ж нашего вашему императорскому величеству подданства со Абулхаир-ханом двух человек, а имянно Мамыр Батыря Уразакова с товарищем послали, которые, приехав к высокопревосходительному г. тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичу Неплюеву в Орскую крепость, за весь наш каракалпацкой народ присягу чинили и, взяв порутчика Дмитрия Гладышева в нашу каракалпацкую орду, для тех же присяг возвратились, а оттоле с показанным порутчиком Гладышевым вышеписанной мой отец, дав сына своего с товарищи, до двора вашего императорского величества отправил; так же и ныне с ними же приехавшему брату моему с товарищи, четьрех человек дав, вышепомянутый тайный советник Неплюев от себя дву человек паки к нам в каракалпацкую орду посылал, которые, прибыв к нам, как отца моего, так мои низайшаго и братьев моих к вашему императорскому величеству верные старания персонально видели.

5. Во свидетельство же вышепоказанного нашего народа рабского подданства и верных стараний отец мой Мурат-Ших хан, салтаны и знатные старшины со общего согласия меня, низайшаго, с вышепоказанными вашими двумя человеками отправили и будущую весною все лутчие наши люди с салтанами и с караваном и, находящихся у нас в каракалпацком народе российских пленников освобождая, к свиданию в город Оренбург приехать обещались и впредь, чтоб в вечном рабском подданстве быть присягу учинили и куран целовали.

6. Того ради вашего императорского величества всеподданнейше и рабски прошу, дабы за вышепоказанные отца и мои низайшаго верные старания и впредь для вечного рабского нашего по присяжной должности подданства повелено было отца моего Мурат-Шиха и меня низайшаго и всех наших законных наследников тарханами пожаловать и в засвидетельствование оного тарханства нам, низайшим, за печатью вашего императорского величества грамоту дать.

К подлинному по-татарски писанному прошению нижних каракалпак Халвет-Ших Мурат-Шихов руку приложил.

Грамота Мурат-Шиху о пожаловании тарханства, 10 ноября 1743 г.¹

Дан сей ея императорского величества всемилостивейший указ ея императорского величества нижних каракалпак Мурат-Шиху и сыну ево Халвет-Шиху по прошению их в засвидетельствование того, что Мурат-Ших и помянутой сын ево Халвет-Ших за верныя к ея императорскому величеству службы пожалованы между каракалпацким нижним народом первыми тарханами и законным их детям, которые в верной службе ея императорского величества будут, определено быть тарханами ж, того ради по ея императорского величества высочайшему указу каракалпацким ханам, салтанам бием и батырем и

¹ МИД, ф. 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

всему каракалпацкому народу объявляетца: оного Мурат-Шиха и сына ево Халвет-Шиха, за их службу и достоинство пожалованных первыми тарханами, также и детей их тарханами ж почитать и признавать, и во всяких письмах писать оными чинами; напротив того надеятельно, что не только они Мурат-Ших и Халвет-Ших, но и дети их, чувствуя к себе высочайшую ея императорскаго величества милость, не оставят по верноподданнической своей к ея императорскому величеству должности верные свои службы и добрые поступки вечно продолжать, как то ея императорскаго величества верным рабом по присяжной должности благопристойно есть и надлежит. Во утверждении сего при подписании ея императорскаго величества тайного советника ковалера Оренбургской башкирской комиссии главного командира Неплюева.

Дан в Оренбурге, ноября 10 1743 году.

РЕЗСТР

присягавшим в приезд посыланных ундер-афицера татарской школы из школьников Филата Гордеева и толмача Мансура Дельнова нижним каракалпацким ханом, салтанам, старшинам и прочим о наследстве, по соизволению ея императорскаго величества, его императорскому высочеству государю великому князю Петру Феодоровичу Всероссийским императорским престолом¹.

№ ПРИСЯЖНЫМ ЛИСТАМ

Дигинской волости

1. Каип-хан Ишим ханов	
Салтаны	
2. Алтай	} оного
Каипа
дети
3. Вали	
4. Габдуррахман	
5. Набдуррахим	
6. Габейдулла Ишим ханов	

Морской волости

7. Мусульманского закона
управитель Мурат-Ших
Ибак-Шихов	
8. Халвет-Ших Мурат-Шихов	} Ябинского
роду
9. Написавшиеся духовным
управителем Чюман-Ших
Мурат-Шихов	
10. Батырь Мамыр Уразаков	
11. Аджимбет Яврубин	

Морской же волости

12. Урускул хан	} Кунратского
роду
13. Старшина Сююндюк бий
Худай Назаров	
14. Хасени Барадур Ходжа
Назар биев	
15. Даша Мурат бий
Валягабиев	
16. Старшина Шамурат бий
Худай Назарбиев	

¹ МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

Салтаны

17. Шуна	}	Катайского роду.
18. Герей		
19. Бахти-гирей		
20. Старшина Даблет-бай Батырь да
Тивел мурза того ж роду.		
21. Джалаирского роду старшина
Ишимби Урусъ-биев.		

★ ★ ★